

Лена ОБУХОВА

АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ

ТАЙНА РЕКТОРА

История Энгарда Колта

Елена Александровна Обухова
Академия Горгулий.
Тайна ректора
Серия «Академии
Содружества», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69504844

Аннотация

У Энгарда Колта не так много хороших воспоминаний, но в последнее время все шло хорошо: к нему вернулась дочь, которую когда-то он был вынужден оставить, а будущий зять – влиятельный дракон лорд Ардем – назначил его ректором Академии Горгулий. Однако тайна, которую Колт хранит, способна разрушить не только его жизнь, но и жизни всех его близких, а зло, притаившееся в мертвых землях, не смирилось с поражением и ждет возможности нанести новый удар. С появлением в академии Рамины Блор, нового директора, тайное становится явным. В ее власти погубить Колта. В его силах уничтожить любую угрозу. Суждено ли им стать врагами? Или у судьбы на них другие планы?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	71
Глава 9	78
Глава 10	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Лена Обухова

Академия Горгулий.

Тайна ректора

Глава 1

Энгард Колт жил в Замке Горгулий уже без малого одиннадцатилет и каждый год с волнением, страхом и долей обреченности ждал наступления весны. Того периода, когда рассвет совпадал с временем его пробуждения.

Обычно это происходило в апреле. Он просыпался с утренней зарей и сразу чувствовал *ее* присутствие. *Она* всегда сидела на узком подоконнике с той стороны комнаты, где за окном из-за горизонта готовилось появиться солнце. Кровать стояла так, что Колт видел то окно краем глаза, если лежал на спине и смотрел в потолок. Туда он обычно и старался смотреть, потому что смотреть на Лёлю было невыносимо.

Она была все такой же, какой он встретил ее больше двадцати лет назад и какой запомнил: высокой, худощавой, со светло-русыми волосами до плеч. Вот только такого платья из легкой тонкой ткани у Лёли никогда не было. Она вообще редко носила платья.

— Я уж думала, ты сегодня не проснешься до восхода, —

с укоризной произнесла Лёля, стоило ему осознать, что он уже не спит.

Колт и глаз еще не успел открыть, но ей это не было нужно: она и так всегда знала, бодрствует он или нет. Обычно даже не смотрела в его сторону, предпочитая пялиться в окно.

С ней не стоило разговаривать, Колт прекрасно знал об этом: с мертвыми говорить опасно. Следовало просто игнорировать, а лучше встать и отправиться в душ, ведь туда она никогда за ним не шла. Вероятно, вообще не могла покинуть подоконник и подойти.

И все же каждый раз он отвечал, не в силах устоять перед соблазном.

– Стоило проснуться намного раньше, – голос со сна прозвучал хрипло. – Тебя давно не было.

– Я могу приходить только в это время, ты же знаешь.

– Знаю.

– Ты скучал? – в ее интонациях послышалась игривая улыбка.

– Я всегда по тебе скучаю, – признал Колт, упрямо глядя в темный потолок и держа утреннюю гостью в зоне бокового зрения. – Тебе это прекрасно известно. Иначе ты не приходила бы.

– Мне показалось, что с приездом Ники все изменилось, – грустно заметила Лёля.

– Она тебя не заменит. Тебя никто не заменит. Но да, с ней теперь немного легче.

– Намного легче, – поправила она. – Ты стал другим.

– Разве?

– Я чувствую это. Наша связь тает. Настанет день – и я больше не смогу прийти.

Он промолчал. Разум требовал сказать: «Жду с нетерпением этого момента». Сердце кричало: «Только не это! Ты нужна мне хотя бы такой...» Поэтому Колт промолчал, лишь попытался сглотнуть, но в горле пересохло.

– Она так выросла, – продолжила Лёля с нежностью, словно и не заметив его борьбы с самим собой. – Я помню ее совсем крошкой. Но она и тогда была больше похожа на тебя...

– Неправда, – перебил Колт. – Черты лица у нее твои. От меня лишь глаза и волосы.

– И характер!

Он не выдержал и рассмеялся. Лёлин смех вторил ему, звучал как трель колокольчика.

– И все же она умница и красавица, правда, Энгарт? У нас получилась прекрасная дочь. Мне жаль, что я не могу быть с вами.

– Мне тоже, – голос предательски дрогнул, и Колт сделал глубокий вдох, чтобы взять себя в руки. – И ей.

– Не будь ты таким упрямым, мог бы меня вернуть, – обиженно произнес призрак. – Все, что нужно, у тебя под боком.

Он закрыл глаза и снова тяжело сглотнул, качая головой.

– Увы, я не могу. Тебя здесь нет. Ты лишь уловка мертвых земель. Ложь магии смерти, ее дурманящий шепот.

Ответа не последовало. Когда Колт открыл глаза, подоконник был уже пуст. Солнце показалось из-за горизонта, время призрачных наваждений прошло. Настало время встать и встретить новый день.

Он вылез из-под одеяла, игнорируя холод, всегда наполнявший комнату на рассвете. Растер ладонями лицо, еще раз взглянул на подоконник, но Лёля не могла вернуться до следующего утра. И она будет возвращаться несколько дней, пока время рассвета не сместится на более ранний час, в который Колт будет еще спать. Наваждение вернется в августе, когда день пойдет на убыль, а в следующем году все повторится. Мертвые земли стучали в его брешь все это время и не остановятся, пока он жив. Или пока он здесь.

Впрочем, Колт уже привык. На его счастье, он поселился в Замке Горгулий, когда раны от потери немного затянулись, а сам он повзрослел и достаточно много узнал, чтобы держать себя в руках.

С настоящей Лёлей судьба свела его, когда Колт был еще совсем молод: ему тогда едва исполнилось двадцать три года. Вообще-то, в первый раз она представилась Ольгой, но все вокруг звали ее исключительно Лёлей, и он тоже привык так называть.

В его мире тогда шла война с некромантами, и Колт, как и прочие воины-горгульи, защищал от легионов смерти земли Содружества. Однажды, отбившись от своих, он был ранен и пытался уйти от преследовавшего его отряда мертвецов. С

ними шел некромант, поэтому шансов спастись было мало, но жажда жизни заставляла пытаться до последнего.

Колт хотел найти укрытие в пещере, тянувшейся внутри горы словно созданный кем-то тоннель. Судя по отсутствию света впереди, второго выхода пещера не имела, и с каждым шагом он все дальше забирался в ловушку, но продолжал идти. Мертвецы следовали за ним по пятам.

Тогда он так и не понял, что произошло, как ему удалось открыть проход, но так или иначе, а Колт оказался в другом мире. На *изнанке* мира, как это называли. Свет впереди вдруг все-таки забрезжил, и он вышел из тоннеля, через который когда-то давно были проложены железнодорожные пути. Так ему потом объяснили. Впрочем, он и сейчас слабо себе представлял, что такое «железная дорога», хотя и видел картинки.

Но в тот день он еще ничего этого не знал. Просто понял, что преследователи отстали, увидел людей в странной одежде и рухнул в обморок, истощенный кровопотерей. Ему очень повезло: незнакомцы не бросили его умирать, испугавшись ран и грозного вида, а забрали с собой и спрятали в каком-то деревенском доме. Лёля не отходила от него несколько дней, а один из ее друзей – студент-лекарь – оказал всю необходимую помощь, какую мог дать мир без магии.

Колт влюбился, кажется, в тот же момент, как открыл глаза и впервые сфокусировал взгляд на склонившейся над ним девушке, но в тот раз ушел обратно в свой мир, лишь поце-

ловав ее на прощание. Что он мог предложить? Отчий дом к тому времени был разрушен, а война грозила уничтожить не только его самого, но и весь истинный мир.

Однако спорить с судьбой – дело безнадежное. И если она свела двоих, родившихся в разных мирах, то уже не даст им уйти друг от друга. Спустя время Колт вернулся к тому тоннелю и снова нашел Лёлю, а та ждала, и ей не нужно было ничего, кроме него самого.

Так начались их отношения, продлившиеся чуть больше четырех лет, но вместе они провели не больше года. У них родилась дочь Вероника, но беременность словно что-то сломала в организме Лёли. А может быть, дремавшая в ее теле болезнь проснулась бы в любом случае. Так или иначе, а после третьего дня рождения Ники Лёля умерла. Война продолжилась еще почти два года.

Колт никогда не рассматривал возможность поселиться в мире возлюбленной, с ней и их ребенком, оставив позади гибнущее Содружество, в котором родился, и безнадежную, разрушительную войну. Ему не приходило это в голову, его служба и долг просто существовали, являясь частью объективной реальности, и их нельзя было отбросить в сторону. Лёля никогда об этом и не просила. Она ждала. Ждала и не смогла дожждаться.

С ним навсегда осталось только чувство вины. Поэтому вот уже одиннадцатый год он видит ее призрак по утрам, говорит с ним, как с живым человеком, хотя прекрасно знает,

что это лишь иллюзия, созданная его воспоминаниями и магией смерти. Для него это своего рода наркотик: приносит краткосрочное облегчение и в то же время губит.

До начала занятий было еще далеко, но расслаживаться Колт не стал – не для того просыпался в замке одним из первых. Встал с кровати и сразу сделал несколько движений, разминая мышцы и разгоняя кровь. Прожитые годы и полученные в боях травмы давали о себе знать: в теле уже не было прежней легкости и гибкости, всегда где-то ныло или тянуло, да и недавно раздавленная рухнувшей стеной нога все еще болела, а по утрам особенно сильно. Но он знал, как с этим справляться. И старался держать себя в форме. В конце концов, даже дочь сказала, что он еще *не так уж стар*.

За легкой разминкой последовал привычный завтрак в полном одиночестве. В это время суток никто не мог составить ему компанию за столом: и бывшая жена, и дочь еще сладко спали. Обычно некоторое время после еды он тратил на обход замковой стены и общение со стражей: узнавал, не заметил ли кто ночью чего-то подозрительного. Но сегодня предпочел заглянуть в личную библиотеку и полистать альбомы.

Лёля стала мастерить их после рождения дочери, собирая фотографии, сделанные во время его визитов и между ними. Это чудо стало для Колта еще одним открытием: в истинном мире подобного не существовало. Но всю ценность альбомов и снимков он прочувствовал только тогда, когда Лёли не ста-

ло, а он оказался разлучен с Никой на долгие годы.

Теперь Колт уже не понимал, как мог оставить дочь в другом мире с дядей и тетей, но тогда это решение казалось правильным. Ника его едва знала и, увидев, испугалась, а он сам был раздавлен войной и потерями. Казалось, он просто не в состоянии дать маленькой девочке достаточно любви, хотя любил ее с того момента, как узнал о том, что она должна появиться на свет. Колт позволил Глебу, брату Лёли, убедить себя оставить дочь с ним и его женой. И надо отдать ему должное: все эти годы он прекрасно заботился о Нике, отдав ей в своем сердце все то место, что раньше занимала сестра.

Дочь и сейчас к нему очень привязана. В зимние каникулы даже навещала дядю и тетю вместе с новоявленным женихом – знакомила. И хотя Колт в какой-то степени ревновал – самую малость! – этой поездке не препятствовал. И не собирался в дальнейшем препятствовать их общению. Теперь он знал наверняка, что дочь останется с ним в истинном мире. И это делало его по-настоящему счастливым. Возможно, впервые в жизни.

Как бы ни хотелось остаться в библиотеке на пару часов, рассматривая снимки и погружаясь в сладко-горькие воспоминания, пришлось ограничить себя. Перед началом занятий его еще ждали тренировка и работа с документами. Опыт показывал, что днем времени на это может и не хватить.

Но все же эти несколько минут помогли прогнать из груди холод, всегда появлявшийся после общения с призрачным

наваждением, и набраться сил для нового рабочего дня.

И как оказалось, силы эти были Колту очень даже нужны.

Глава 2

Неладное Колт почувствовал, еще спускаясь по лестнице на этаж, на котором находился его кабинет. В их семейной башне всегда было довольно тихо, потому что жили здесь только трое: он сам, его бывшая жена Мелиса и Ника. Последняя к тому же частенько норовила сбежать на ночь в апартаменты жениха. Колт старательно закрывал на это глаза, делая вид, что ничего такого даже не подозревает. Но и когда дочь ночевала у себя, она никогда не вставала так рано. И уж тем более не спускалась в его кабинет. Мелиса тоже не имела привычки шуршать там в его отсутствие.

Однако этим утром в кабинете определенно кто-то находился. Дверь была приоткрыта, поэтому еще на лестнице было слышно, как шелестят бумаги и стучат по каменному полу каблучки. Колту показалось, что кто-то еще и беззаботно мурлычет себе под нос незнакомую ему мелодию. Все это было настолько дико и нереально, что впору заподозрить чрезмерно реалистичный сон.

Ощущение это усугубилось, когда Колт добрался до кабинета, распахнул дверь и шагнул внутрь. Он так и остался стоять у самого порога, растерянно глядя на незнакомку, по непостижимой причине хозяйничающую в помещении.

Это определенно была не студентка: слишком взрослая, по возрасту, пожалуй, ближе к Мелисе. Но если кого-то из

студенток он теоретически мог и не помнить, то всех преподавателей прекрасно знал, а женщину видел впервые. Впрочем, никто из его преподавателей все равно не стал бы ходить по его кабинету, доставать из шкафов папки с документами и журналы и беззастенчиво их листать.

Наконец заметив его, незнакомка замерла у стола, прижимая к груди очередную папку, улыбнулась и без тени смущения поздоровалась:

– Доброе утро, ректор Колт.

Это ясно свидетельствовало о том, что она не считает себя застигнутой врасплох или пойманной на чем-то противозаконном или по меньшей мере дурном. Нет, женщина считала себя вправе находиться здесь и делать то, что она делала.

Это несколько выбило почву у него из-под ног. Давно Колт не сталкивался с подобным хамством.

Но ему все-таки удалось совладать с собой. Скрестив руки на груди и грозно нахмурившись, он мрачно отозвался:

– Доброе, если вы так считаете. Могу я узнать, кто вы и что делаете в моем кабинете?

Две изящные брови удивленно приподнялись над серыми глазами, на лице отразилось легкое замешательство, но не смущение и не чувство вины.

– Меня зовут Рамина Блор, я новый директор Академии Горгулий. И при всем уважении, это мой кабинет.

Пришла очередь Колта удивленно поднимать брови и испытывать замешательство, которое определенно нельзя бы-

ло назвать легким.

– Вас разве не предупредили о том, что я приеду сегодня? – по губам Блор скользнула усмешка. – Впрочем, меня это не удивляет. Судя по тому, какой бардак царит в этом кабинете, в делах академии должен быть примерно такой же.

– Бардак? – оскорбленно переспросил Колт, скользя взглядом по распотрошенным папкам и стопкам журналов, завалившим весь огромный письменный стол. Поместилось явно не все, поскольку оба кресла – его собственное и предназначавшееся посетителям – тоже были заняты. – До вашего появления здесь никакого бардака не было. Откуда вы взялись на мою голову?

– Из столицы. Приехала рано утром. И под бардаком я подразумеваю абсолютно бессистемное размещение рабочих документов. Как вы умудряетесь здесь что-нибудь находить?

– Легко и непринужденно. Потому что в документах есть система. Ну... или была, пока вы все не перепутали.

Он снова посмотрел на бумажный развал и тоскливо вздохнул. Сколько же времени понадобится теперь, чтобы разложить все по местам?

– Seriously? – нахалка демонстративно рассмеялась. – Да половине этих папок и журналов давно пора быть в архиве. Не понимаю, что они до сих пор здесь делают.

– Раз они все еще здесь, значит, так нужно! Немедленно прекратите путать все!

Она только фыркнула и дернула плечом, снова шагая к

одному из шкафов и явно намереваясь вытащить оттуда что-то еще.

Безропотно терпеть такую наглость Колт не собирался. Он много лет руководил Академией Горгулий, без его одобрения в ней ничего не происходило, хотя сам он формально пребывал в должности директора. Однако ректором значился Патрик Рабан, лорд Ардем, — дракон, которому принадлежали эти земли и который никогда не лез в дела учебного заведения. Лишь иногда приезжал с инспекциями, цель которых была совсем не в проверке организации учебного процесса или чего-то в таком роде.

После убийства Рабана, произошедшего почти год назад, Колт, конечно, морально готовился к тому, что все может перемениться. Другим драконам никогда не нравилось, что лорд Ардем так высоко возвел своего приятеля-горгулью. Новый хозяин земель действительно попытался назначить вполне себе настоящего ректора, чьей основной задачей было выжить Колта из замка.

Но все повернулось иначе, когда сын Рабана, обвиненный в его убийстве и изгнанный за это из рода, сумел доказать свою невиновность и стать новым лордом Ардемом. Обручившись с Никой, он плюнул на все политические предрасудки и назначил ректором академии Колта, чего не рискнул сделать его отец.

Поэтому теперь никто не мог Колту что-либо диктовать. И назначать каких-то там директоров за его спиной. Во всяком

случае, так он считал до этого утра.

Рамина Блор двигалась неторопливо, без суеты, довольно плавно, как и полагается женщине благородного происхождения, а в ее высоком происхождении сомневаться не приходилось, хотя фамилия и была Колту незнакома. Сам же он пересек кабинет в считанные мгновения и успел помешать извлечению с полки очередной папки. Правда, для этого ему пришлось довольно резко перехватить ее и задвинуть на место. В процессе он невольно коснулся руки новой знакомой. Да что там – коснулся? Он практически накрыл ее ладонь своей, что было не очень-то вежливо. Но она его просто вынудила!

– Хватит, я сказал! – рявкнул Колт раздраженно, послав Блор взгляд, под которым тушевались даже высокопоставленные мужчины.

Она не стушевалась, но папку отпустила, скрестила руки на груди и посмотрела на него с раздражением.

– Почему вы мешаете мне делать мою работу?

– Потому что – я повторяю – это мой кабинет, – уже чуть спокойнее пояснил Колт. – И в этом замке у вас нет и не может быть никакой работы, пока я так не скажу.

Блор склонила голову набок и окинула его то ли оценивающим, то ли осуждающим взглядом. Однако свою разрушительную деятельность все же прекратила, чему нельзя было не радоваться. Колт не знал, что делать, если слова на нее не действуют. Не драться же с дамой? И угрожать ей так,

как он угрожал Майнеру Рабану, когда тот попытался вести себя здесь как хозяин, Колт тоже не смог бы. Это позволяло углядеть в появлении Рамины Блор чей-то тонкий расчет: тот, кто прислал ее сюда, понимал, что воевать с женщиной ему будет сложнее.

– Боюсь, вы ошибаетесь, ректор Колт, – неожиданно мягко заметила Блор. – Несмотря на вашу новую должность, вам могут навязать директора, даже не спросив. Поверьте, я тоже не очень-то рада быть здесь в этой должности, но отказаться не могу несмотря на то, что мой приемный отец стоит в иерархии драконов весьма высоко.

– Приемный отец? Высокопоставленный дракон? Не знаю среди них никого по фамилии Блор. И вообще нечасто слышу о том, чтобы драконы кого-то удочеряли. Сыновей приемных иногда берут. Как правило, собственных бастардов, когда не складывается с наследником в законном браке. Но дочери обычно никому не нужны.

– Странно слышать это от отца дочери. Тоже, кстати, рожденной вне законного брака, но все равно недавно признанной.

– Я говорил про драконов, – пытаюсь скрыть смущение, пояснил Колт. – А я горгулья. Учитывая, как мало нас осталось, для нас ценны все дети.

– И вы только поэтому ее признали? А я думала, что вы ее любите и очень любили ее мать. По крайней мере, я так слышала. И теперь разочарована.

Колт открыл было рот, собираясь возразить и пояснить, что дочь действительно очень любит и половину жизни мечтал о том, чтобы она жила с ним, но промолчал, ведь сам поставил себя в весьма дурацкое положение. Пытаясь уязвить особу, без спросу хозяйничавшую в его кабинете, он загнал себя в угол, что случилось с ним крайне редко. Практически никогда, поскольку такое происходит на эмоциях, а он обычно не позволял эмоциям возобладать над рассудком.

Но при всем своем опыте и заслугах Энгард Колт оставался мужчиной, а мужчинам свойственно поддаваться эмоциям в присутствии красивых женщин. Рамина Блор была действительно прелестной женщиной. Высокая, тонкая, изящная. В ее теле чувствовалась гибкость, во взгляде был виден ум, в речи и манерах – воспитание, хорошее образование и уверенность в себе. Она носила длинное платье, подол которого почти касался пола, но крой подчеркивал каждый изгиб тела, рукава из полупрозрачной ткани позволяли любоваться руками. Длинные густые волосы – черные, как у всех драконов и большинства горгулий, – были сплетены в замысловатую, не слишком тугую косу, доходившую почти до талии. Необычная прическа для женщины ее статуса.

– Блор я по мужу, – снисходительно пояснила собеседница, видя, что он не знает, как ответить. – Кем я прихожусь своему приемному отцу и почему он меня удочерил – не ваше дело. Что вам действительно важно знать и понимать, так это то, что я буду здесь директором, хотите вы того или нет.

Так решил совет и поставил в известность Ламберта Рабана. Я удивлена, что будущий зять не сообщил вам об этом, но моей вины в том нет. Я хотела бы приступить к своим обязанностям как можно скорее, поэтому прошу мне не мешать.

– Вы приступите к своим обязанностям, как только они у вас появятся, – упрямо повторил Колт, в глубине души понимая, что проиграл этот спор.

Там, где вмешивается совет правления – высший орган власти Содружества, там не может сопротивляться даже лорд Ардем. Что уж говорить об Энгарде Колте... Вот только непонятно, почему Ламберт его не предупредил?

– И приступите к ним в *своем* кабинете, как только он у вас появится. Этот кабинет всегда был и останется моим, независимо от того какую должность я занимаю. Это моя башня и посторонние могут появляться здесь только по моему приглашению или с моего разрешения. Независимо от того, кто и почему вас назначил и кто должен был мне об этом сообщить, вам стоило сначала прийти ко мне, представиться и согласовать круг своих обязанностей. Сомневаюсь, что вас прислали сюда, чтобы облегчить мне жизнь и разгрузить мое расписание, поэтому ваше рвение неуместно и выглядит подозрительно. Не знаю, что вы хотите найти в этих бумагах, но поиски вы немедленно прекратите. Сначала мы определимся, где вы будете жить, потом вы получите кабинет, а потом я скажу, какими вопросами вы будете заниматься. Вас могут мне навязать, но в стенах академии распоряжаюсь я.

Это понятно?

Он сверлил ее взглядом, но Блор и не думала опускать свой. Лишь на последнем вопросе едва заметно улыбнулась и кивнула, нарочито послушно склонив голову, что явно было лишь игрой.

– Можно подумать, ректор Колт, вам есть что скрывать, – заметила она, оглядываясь на разложенные на столе документы и журналы. – Поэтому вы так болезненно реагируете на вторжение?

– А вас, стало быть, прислали сюда шпионить за мной и найти на меня компромат?

– Вы уходите от ответа.

– У вас нет прав задавать вопросы.

Она снова улыбнулась и сделала странное движение головой, словно хотела одновременно кивнуть и отрицательно качнуть ею. Но в целом, судя по всему, признала, что эта словесная баталия осталась за ним.

– Хорошо, ректор Колт, как скажете. Я дождусь ваших распоряжений. Прошу прощения за *неуместное рвение*. Мне убрать все это?

– Не трогайте здесь больше ничего, – велел он и сделал приглашающий жест в сторону двери. – Идемте, я подберу вам комнату.

Блор послушно направилась к выходу из кабинета, Колт последовал за ней. Уже на лестнице, пока они спускались, поинтересовался:

– Муж не против, что вы будете жить здесь по меньшей мере два месяца, до летних каникул? Он остался в столице?

– Моему мужу уже какое-то время все равно. Я вдова.

– О... – выдохнул Колт, испытав от этой новости непонятное удовлетворение. Но все же смог собраться и с должным сочувствием добавить: – Мне жаль.

Продолжая придерживать подол платья, чтобы случайно не наступить на него при спуске по ступенькам, Рамина Блор вполне искренне, даже немного торжествующе улыбнулась, не глядя на него, и лаконично ответила:

– А мне нет.

Глава 3

Размещение Рамины Блор не заняло много времени. Колта подмывало выделить ей самую крошечную и неудобную комнату из всех, что могла предложить преподавательская часть замка, но совесть не позволила поступить так с дамой. В конце концов, она тоже только пешка в игре, которая ведется то ли против него, то ли против молодого лорда Ардема. Или, возможно, против них обоих.

Тем не менее все планы на день пришлось перестроить. Первого занятия у Колта в расписании не было, и он все еще мог успеть сделать то, что планировал на утро, но теперь у него появились более срочные дела. И прежде всего он собирался переговорить с Ламбертом, выяснить, действительно ли тот знал о приезде Блор и почему ничего не сказал.

Колт надеялся перехватить молодого дракона перед лекцией, но в аудитории его не оказалось, хотя до начала оставалась всего пара минут. Не появился он и к сроку, хотя не имел привычки опаздывать. По крайней мере, прежде Колт за ним такого не замечал.

Ламберт появился в пустом коридоре лишь спустя три минуты после начала занятия. Он, конечно, не бежал, памятуя о своем высоком статусе, но шел очень торопливо, попутно оправляя одежду и волосы, что заставляло думать, будто он только-только встал с постели, накинул первую попавшуюся

под руку одежду и теперь приводит себя в порядок на ходу.

Заметив Колта, Ламберт резко затормозил, словно споткнувшись, и, кажется, даже немного смутился. Однако тут же взял себя в руки, улыбнулся, стараясь выглядеть спокойно и независимо, и подошел к ожидающему его ректору.

Колт наблюдал все эти метаморфозы молча и неподвижно, скрестив руки на груди и слегка приподняв рассеченную шрамом бровь. В его взгляде читалось только удивление, но он старательно пытался вложить в него еще и укоризну.

– Ты что, проспал? – поинтересовался он у Ламберта, когда тот оказался достаточно близко.

Молодой дракон снова едва заметно смутился, опустил взгляд и как будто даже слегка покраснел. Колт и не догадывался, что он так умеет. Это зародило в нем нехорошие подозрения о причинах внезапной утренней сонливости и опоздания.

– Надеюсь, моя дочь сегодня на занятиях? Или тоже *проспала*?

О том, что отношения Ники и Ламберта довольно давно не являются платоническими, Колт, безусловно, знал. И ему это не нравилось. Особенно ему не нравилось то, что они при этом тянут со свадьбой. Он с пониманием и терпением относился к тому, что Ника выросла в других правилах и в другой морали, признавая свою вину за это. К тому же горгульи весьма лояльно относились к добрачным связям, если связь эта была с достойным человеком. А партнера достойнее, чем

лорд-дракон, в Содружестве придумать сложно. Да и в любом случае он едва ли смог бы читать ей нотации, поскольку имел отношения с ее матерью, но так и не женился на ней.

Однако правила драконов заметно отличались. И чем больше времени проходило, тем выше была вероятность, что кто-нибудь вмешается, использует добрачную связь против Ники и в итоге разорвет помолвку. Ламберт уверен, что ему, как главе рода, никто не указ, но Колт знал, что все немного сложнее. Да и сам Ламберт в теории мог передумать по той или иной причине.

Колт, конечно, не так уж и хотел породниться с Рабанами, но ему казалось, что Ника искренне и прочно влюблена и разрыв разобьет ей сердце. Какой отец пожелает такое своему ребенку? Он считал выбор дочери достаточно... приемлемым, поэтому мог принять этот союз ради ее счастья. К тому же брак с драконьим лордом дал бы Нике определенную неприкосновенность, которая была крайне необходима, учитывая ее сомнительный дар.

Его вопрос вызвал у Ламберта заметное и вполне искреннее удивление, что сразу давало понять: проспал он явно не из-за бурной ночи любви.

– Не знаю, я ее сегодня еще не видел, – ответил дракон с нежной улыбкой, которая появлялась на его лице почти всегда, когда он говорил о Нике. Что еще больше примирило Колта с выбором дочери.

– Значит, ночью спать тебе мешала не она. Так что же это

было?

Ламберт в ответ промолчал, лишь выразительно посмотрел на него. Могла быть только одна причина, которую он не стал бы называть вслух.

– Ты опять? – Колт разочарованно покачал головой. – Я уже говорил тебе: это опасно! Не стоит делать это ради развлечения.

– Да я же аккуратно, меня никто не видел, – понизив голос, попытался оправдаться Ламберт. – И это не ради развлечения. Я тренирую навыки. Вы свои отрабатывали годами во время войны и последовавшей за ней охоты на некромантов. А моя оборотная форма крупнее вашей. Управлять ею сложнее, нужна практика.

Колт недовольно поджал губы и инстинктивно бросил быстрый взгляд по сторонам, убеждаясь в том, что в коридоре, кроме них, больше никого нет. Он категорически не любил, когда кто-то вслух упоминал его способность к обороту.

Он уже много лет старательно скрывал это, обращаясь в горгулью только в крайних случаях, когда иначе нельзя. Большинство оборотней – волки, медведи, горгульи, драконы и некоторые другие – потеряли способность к обороту несколько веков назад. Удивительно, но знание о причинах случившегося тоже было утрачено, несмотря на способность драконов передавать по наследству память поколений. Вероятно, тогда никто так и не понял, что произошло и почему.

Так или иначе, а после нескольких путешествий на изнан-

ку мира к Лёле в критической ситуации, в которой иначе было не выжить, способность оборачиваться к Колту вернулась. И в первый раз ему действительно оказалось непросто управиться с новым телом, которое стало почти вдвое крупнее. Особенно тяжело было с крыльями.

Но даже когда это помогало в сражениях на полях войны с некромантами, Колт старался не злоупотреблять обретенной способностью и учился на практике все в тех же крайних случаях, только в полном одиночестве. Понимал, что драконы не оставят его в живых, если узнают. Они не любят тех, кто сильнее.

К Ламберту способность к обороту вернулась недавно и тоже в критической ситуации, угрожавшей его жизни. Правда, в отличие от Колта он на изнанке мира никогда не был, его с ней связывала только Ника. Но этого, видимо, оказалось достаточно. Или же дело в чем-то еще.

Колт считал, что молодой дракон ведет себя слишком беспечно. Да, в первый раз он обернулся случайно и не его вина, что свидетелями тому стали сам Колт, Мелиса, Ника и четверо миллитов. Но после он дал понять своему дяде, эфферу Урлану и десятку драконов-телохранителей, что обладает возможностью, которой нет у них. Так что разговоры о его обороте ходили по всем землям Ардема, наверняка звучали в столице и вполне вероятно расползлись по всему Содружеству. Ламберт считал, что это защитит их всех от новых попыток вторжения и захвата замка, но Колт не был настроен

так оптимистично.

– Меня никто не видел, – с нажимом повторил Ламберт в ответ на озабоченность на его лице. – Я ушел в мертвые земли, обернулся там и к границе не подлетал.

– Ты считаешь, меня это утешит? Там опасно! Переходить границу запретили не просто так.

– Я понимаю и ко всему готов. Не волнуйтесь, ректор Колт. Вы, кстати, что-то хотели, раз ждали меня здесь? Просто я уже и так опаздываю...

Он обезоруживающе улыбнулся, давая понять, что тема с его тренировочными полетами над мертвыми землями закрыта. Колту оставалось только вздохнуть и подчиниться. В конце концов, Ламберт уже немаленький и ему нельзя что-то запретить, поскольку в землях Ардема распоряжается он. Ректор академии может разве что сделать ему выговор за опоздание на лекцию, но смысла в этом Колт не видел. Он хотел бы рассказать дракону больше, чтобы предупредить его о возможной опасности, но не мог. Слишком многое придется открыть из того, о чем он поклялся молчать до конца своих дней.

– Да, у меня есть к тебе вопрос. Рамина Блор. Это имя тебе о чем-нибудь говорит?

На лице Ламберта сначала отразилось непонимание, но через секунду его сменило осознание, а следом пришло и раскаяние. Он прикрыл глаза и неловко потер рукой лоб.

– Простите, я должен был вас предупредить... Но у меня

совсем вылетело из головы. Правда! Она уже здесь?

– Да, судя по всему, приехала на рассвете и сразу же отправилась рыться в моем кабинете.

– А вы его не запираете заклятием? – удивился Ламберт.

– Теперь, по всей видимости, придется, но прежде никто не смел туда заходить, – проворчал Колт. – Даже в мою башню без приглашения рискуют приходить только миллиты. Ну, еще ты захаживал к Нике, конечно, но насколько мне известно, никогда не посягал на мою территорию.

– Я же не самоубийца, – хмыкнул Ламберт, криво ухмыляясь и вызывая своими словами улыбку и у собеседника. – В отличие от этой Блор. Интересно, это смелость или безрассудство?

– Скорее, надежно прикрытые тылы. Ты знаешь, кто она? И зачем ее послали? Явно же не для того, чтобы облегчить мне жизнь...

Ламберт покачал головой.

– Увы, я мало знаю. Никогда с ней прежде не встречался, так что, вероятно, она не из наших земель. Вроде как дочь кого-то из эфферов, но побочная.

– Она сказала, что ее приемный отец – высокопоставленный дракон. Эффер Урлан?

– Нет, у него трое сыновей, ему нет смысла давать законный статус побочной дочери. Колт, не ищите в этом заговора. Думаю, они просто пытаются продемонстрировать, что могут нам хоть в чем-то указывать. Я согласился, только чтобы

еще больше не раздражать совет. Но если она будет совать нос не в свои дела, я выгоню ее и запрещу ступить на земли Ардема.

– А ты думаешь, есть шанс, что она *не* будет совать нос в наши дела? – нахмурился Колт. – У нас здесь слишком много тайн от совета, чтобы я не переживал из-за их ставленника.

– А если кто-то просто пристроил побочную дочь на хорошую должность? – улыбнулся Ламберт. – Или, наоборот, сослал подальше, поскольку она в чем-нибудь провинилась? Даже если это не так, я уже вам сказал: я не дам госпоже Блор навредить вам, Нике, мне или Академии Горгулий. Не волнуйтесь. И позвольте мне все же начать лекцию.

Колт не разделял такого оптимизма, но допускал, что дело в приобретенной подозрительности: слишком редко жизнь баловала его чем-то хорошим, поэтому он привык в первую очередь ждать плохого. Но в то же время понимал, что продолжать сейчас этот разговор бессмысленно. Главное Колт узнал: Ламберт действительно был в курсе пополнения в штате академии, приезд Блор был ожидаем. Вероятно, он и правда просто забыл сказать. Но как бы ни было, женщина уже здесь и придется с этим как-то жить.

Сейчас ему оставалось только отойти в сторону и позволить Ламберту все же начать лекцию.

Глава 4

В следующие несколько часов к вопросу о том, чем будет заниматься новоявленный директор, Колт не возвращался: сначала у него была лекция, а потом сразу три практических занятия. Боевую магию как основную дисциплину брали далеко не все студенты, но существовала возможность изучать ее как одну из дополнительных – по сокращенному курсу, предназначенному больше для самообороны. При этом для пущей эффективности и безопасности отработку боевых заклятий следовало проводить в маленьких группах: не больше шести человек. Поэтому практических занятий у Колта всегда было немало.

К концу третьего снов разболелась нога, чего он изо всех сил старался не демонстрировать. Лишь когда тренировочный зал опустел, позволил себе присесть на скамью, стоявшую у стены, вытянуть ногу и немного помассировать ее, прикрыв глаза.

Поэтому он не сразу заметил, как дверь зала снова приоткрылась и в образовавшуюся щель заглянула Ника. Появление дочери Колт обнаружил, лишь когда та почти пересекла помещение и сочувственно поинтересовалась на ходу:

– Опять болит?

Он открыл глаза и инстинктивно выпрямился, не желая демонстрировать слабость даже при ней. Судя по укоризнен-

ному взгляду, Ника это поняла и не одобрила. Колт против воли улыбнулся и нарочито легкомысленно ответил:

– Да так, немного. Когда устает.

– Тогда, может, тебе стоит снизить нагрузку и больше отдыхать? – предположила дочь, садясь рядом. Теперь в ее глазах – таких же карих, как и у него, – была заметна тревога.

– Как именно? У нас нет другого преподавателя боевой магии, а объединять группы – плохая идея. И так не всегда получается уследить, чтобы студенты не покалечили друг друга или себя, а если их станет больше...

– А что, во всем Содружестве не сыскать второго преподавателя боевой магии? – перебила Ника насмешливо. – Да я уверена, что только среди твоих друзей найдется парочка желающих попробовать себя в этом деле.

– Не каждый военный может стать хорошим преподавателем, – проворчал Колт, снова прикрывая глаза и приваливаясь спиной к стене.

– Или ты просто не можешь доверить свою работу кому-то другому, поскольку считаешь, что он с ней не справится. По крайней мере, не сделает этого так хорошо, как ты.

– Ты сейчас на что-то конкретное намекаешь? – не открывая глаз, поинтересовался Колт.

– Я слышала о новом директоре...

– Не сомневаюсь! К этому часу о ней, должно быть, слышали уже все в академии.

– ...И о том, – Ника невозмутимо продолжила мысль, хо-

тя он и попытался ее сбить, — что ты крайне недоволен ее появлением здесь.

— Ламберт настучал? — хмыкнул он, чуть искривив губы в усмешке. Глаза так и держал закрытыми, будто боялся, что те скажут Нике больше, чем он готов произнести вслух.

— Иногда я задаюсь вопросом: это ваша магия всеобщего перевода адаптируется к моему словарному запасу или ты все больше цепляешь моих словечек?

— Вероятно, и то и другое, — рассмеялся Колт.

— Чем плохо то, что тебя немного разгрузят от твоих обязанностей? — мягко поинтересовалась дочь. — У тебя появится больше свободного времени... На себя, на нас... Тебе скоро с внуками нянчиться, в конце концов, надо как-то готовиться к этому!

Он резко распахнул глаза и выпрямился, глядя на нее не то с ужасом, не то с предвкушением — сам не понял, отчего так быстро забилося сердце. Его взгляд сам собой метнулся к ее животу, но тот оставался таким же плоским, как и раньше, хотя под туникой не все можно рассмотреть.

— Не настолько скоро, — осадила его Ника с нотками возмущения в голосе.

И снова его накрыло непонятной смесью эмоций: то ли облегчение, то ли разочарование... Очевидной была только неловкость, которую Колт постарался скрыть за ворчанием:

— Боюсь, что все будет с точностью до наоборот. Проще делать работу, чем контролировать, как ее делает другой.

И еще сложнее контролировать, что человек делает помимо обязанностей, возложенных на него... точнее, на нее.

Дочь нахмурилась, на ее лице отразилась тревога. И хотя Колт совсем не хотел пугать ее или вселять опасения, он не мог обойти стороной важный факт.

– Ника, ее прислали драконы, точнее, совет правления. Последний раз, когда они вмешивались в наши дела, я чуть не потерял тебя, а заодно и академию. Ты продолжаешь обучение некромантии, которая в Содружестве под строжайшим запретом, и я понимаю, что ты не можешь иначе, это такая же часть тебя, как и кровь горгульи, но это опасно. И я бы предпочел не пускать в замок новых людей, пока все так, как есть сейчас.

– Я не думаю, что тебе стоит об этом переживать, – возразила та упрямо, хотя было видно, что его слова заставили ее насторожиться. – Пока мы в землях Ардема, Ламберт не даст нас в обиду. Ты же слышал, что он сказал! Мы теперь часть его рода, только он имеет право судить меня или тебя, если уж на то пошло.

Она явно не испытывала уверенности в своих словах и произносила их больше для того, чтобы услышать от него подтверждение, но Колт смог лишь едва заметно качнуть головой.

– Все не так просто, как тебе кажется. Как вам обоим кажется. Вы все еще не женаты, поэтому формально мы не относимся к роду Рабанов. И чем дольше длится ваша помолв-

ка, тем более шатким становится наше положение. Ламберт может считать, что управляет всем происходящим на землях Ардема, но это не совсем так. Появление госпожи Блор в Академии Горгулий красноречиво подтверждает это. Не думаю, что дядя Ламберта оставил мечты возглавить род. Да и эффер Урлан, каковы бы ни были его мотивы, едва ли смирился с поражением. Они не трогают нас сейчас, потому что Ламберт – единственный способный к обороту дракон и против него надо выступать очень осторожно, как следует прощупав почву и обнаружив возможные слабые места.

– И ты считаешь, что Рамина Блор будет заниматься здесь именно этим?

– Да, скорее всего.

Ника тревожно закусила губу и втянула голову в плечи, слегка ссутулившись. Колту было больно смотреть на это. Ему хотелось видеть дочь веселой и беззаботной, но он считал, что лучше предупредить ее о возможной опасности, чем потом пожинать горькие плоды беспечности.

– А если мы поженимся? – тихо поинтересовалась она. – Ну, в смысле, прямо сейчас, в ближайшее время... Это обезопасит нас с тобой? И Мелису заодно?

– Безопасность – очень переменчивая штука, она зависит от многих факторов. Я бы сказал, что это *унпрочит* наше положение, но не более того.

Дочь продолжала смотреть в какую-то одну ей видимую точку на полу, ее губы теперь были плотно сжаты, но суту-

литься она не перестала. Колт слегка прищурился, глядя на нее.

– Ника, в чем дело? Ты передумала и не хочешь выходить замуж за Ламберта? Мне казалось, вы искренне влюблены друг в друга, но если ты чувствуешь иначе...

– Да нет, – перебила она, чуть поморщившись. – Люблю я его. Просто замужество... дети... Знаешь, я не думала, что все это случится так скоро. Мне ведь еще даже двадцати нет... Все как-то быстро завертелось. Еще год назад я не знала о вашем мире, а сегодня уже помолвлена с самым влиятельным человеком... То есть, драконом этих мест. Меня это... пугает, если честно. Да, я хочу быть с Ламбертом, но не хочу... торопиться.

– Тогда не торопись. Уж точно не стоит бежать под венец из страха или из стремления к ложному чувству безопасности. Я ведь тоже кое-что могу и кое-что значу в этом мире. Я был готов защитить тебя, когда драконы пришли за тобой, и сделал бы это и без помощи Ламберта. И сделаю, если потребуется.

Ника наконец повернулась к нему и улыбнулась. Плечи заметно распрямились, словно ему удалось снять с них лишний вес.

– Просто будь осторожна, ладно? Не давай драконам повода снова тебя зацепить.

– Я постараюсь, – заверила Ника. – А еще обязательно научусь сама себя защищать. Не думала, что однажды скажу

такое, но скорее бы перейти на следующий курс, где будет боевая магия.

– Кстати об этом... – Колт выразительно изогнул бровь, глядя на дочь с укором. – Господин Рамгор не раз уже жаловался на тебя. Ты то прогуливаешь его занятия, то халтуришь на них.

Ника скорчила рожицу, изображающую страдание.

– Знаешь, физра... ну, то есть физподготовка никогда не была моим коньком. Спорт и я плохо совместимы.

– Но ты ведь знаешь, что для курса боевой магии – даже сокращенного – необходимы хорошие баллы по этому предмету?

– Ты что, родную дочь не возьмешь к себе на курс из-за какой-то там оценки? – картинно возмутилась Ника.

– Дело не в оценке, – улыбнулся Колт. – Дело в физической форме.

– Я в прекрасной форме!

– Неужели? А ну-ка на пол и отожмись хотя бы десять раз.

Она смешно округлила глаза и развела руки, словно услышала что-то безумное.

– Я что, в десантники рвусь, что ли? Это же боевая магия, зачем мне уметь отжиматься?

– Ты правда не понимаешь? – удивился Колт.

И довольно проворно вскочил на ноги, игнорируя легкий дискомфорт в коленном суставе. Сделал рукой жест, предлагая Нике последовать его примеру. Та закатила глаза и ссу-

тулилась, как бы говоря, что находит эту идею дурацкой, но его это не проняло.

– Давай-давай, поднимайся. Я тебе сейчас наглядно все продемонстрирую. Просто одно не самое сложное боевое заклятие.

Дочь недовольно простонала, но все же поднялась и подошла вместе с ним к неподвижным мишеням, предназначенным для отработки подобных заклятий.

– Повторяй за мной. Встаешь в стойку... бедра чуть разверни... да, вот так. Поднимаешь руки на уровень груди... да, правильно. Теперь структура...

Он описал ей структуру, попутно создавая ее и наполняя энергией. Воздух у его ладоней привычно задрожал, меняя ткань пространства. По рукам прокатилось напряжение, словно на каждой повисло по тяжелому мешку, а потом с пальцев сорвались острые каменные шипы и ударили точно в цель.

Ника проворно повторила структуру – в этом она с самого начала была откровенно хороша. В направлении энергии за последние месяцы тоже поднаторела, и с этим проблем не возникло. Однако руки ее предсказуемо не удержали появившиеся из небытия шипы, все они полетели не столько в мишени, сколько в пол, лишь один условно достиг цели: угодил в самое основание неподвижной болванки.

– Ладно-ладно, я поняла, – заверила дочь, не давая ему рта раскрыть. Да Колт не особо и стремился. Знал, что одна

демонстрация стоит сотни слов. – Больше не буду халтурить у Рамгора. К концу семестра обещаю отжиматься десять раз!

– Вообще-то, по норме надо пятнадцать... – Поймав ее мрачный взгляд, он снова улыбнулся и махнул рукой. – Ладно, давай хотя бы десять, а остальное летом наверстаем. И не забывай, что это не единственный норматив. У тебя еще есть занятия сегодня?

– Нет, но мы с друзьями собираемся прогуляться до Бордема. Я просто зашла к тебе повидаться и уточнить: сегодня ужинаем вместе?

– Конечно, почему нет?

– Ну мало ли... Вдруг тебе надо уделить время новому директору?

Захотелось скривиться как от зубной боли, но Колт пересилил себя. Держать лицо он умел.

– Мы закончим с ней до ужина, я полагаю.

– Тогда увидимся вечером.

Ника махнула ему на прощание и уже устремилась к выходу, когда он окликнул ее:

– Ничего не забыла?

Дочь удивленно посмотрела на него, но Колт лишь выразительно скрестил руки на груди, посылая ей ответный взгляд. После небольшого замешательства на ее лице отразилось понимание, губы растянулись в улыбке. Ника вернулась к нему, обхватила за плечи и, чуть приподнявшись на носочках, чмокнула в щеку.

– Увидимся вечером, – повторила она, прежде чем все-таки убежать по своим делам.

– Увидимся, – выдохнул Колт, тоже улыбаясь, пусть и не так широко.

Однако улыбка эта быстро погасла. Почти год прошел с тех пор, как дочь вернулась в его жизнь, и время это пролетело как одно мгновение. Он вдруг очень остро почувствовал, что так же скоро Ника вновь отдалится: выйдет замуж, потом покинет Академию Горгулий, займется своей жизнью, как и положено выросшим детям. Он не был к этому готов и едва ли успеет подготовиться за оставшееся время.

К тому же ему вдруг показалось, что времени осталось даже меньше, чем можно предположить.

Глава 5

Настроения отца Ника не почувствовала ни в момент разговора, ни когда уходила из тренировочного зала. Он показался ей уставшим и напряженным, но состояния эти, как и их причины, лежали на поверхности, а заглядывать в родителя глубже она пока не научилась. К тому же ее занимали собственные мысли и заботы. И одной из них было не опоздать на назначенную встречу с друзьями: разговор с отцом занял чуть больше времени, чем она рассчитывала.

Однако она все же успела заглянуть на этаж, где находилась аудитория Ламберта. Тот как раз выходил из нее, поскольку его занятия на сегодня тоже закончились. Жених радостно улыбнулся, заметив ее, обнял и быстро поцеловал в губы. Подобные проявления симпатии между преподавателем и студенткой, конечно, не очень-то поощрялись местным обществом. Даже с учетом того, что Ника и Ламберт были официально помолвлены уже несколько месяцев. Но коридор был пуст, поэтому они могли позволить себе чуть больше, чем обычно.

– Если ты уже закончила, можем вместе пообедать, – предложил Ламберт, направляясь с ней к лестнице и теперь лишь незаметно держа за руку, так что даже самые строгие поборники морали не смогли бы их упрекнуть.

– Вообще-то, именно поэтому я и решила к тебе загля-

нута, – призналась Ника, ступая нарочито медленно.

Ей, конечно, еще предстояло заскочить в семейную башню, чтобы взять куртку – на улице даже днем пока прохладно, – а планировка замка до того замороченная, что добраться из одной точки в другую всегда непросто, но она решила, что поторопиться можно будет и после того, как их с Ламбертом пути разойдутся. Даже пробежаться, раз уж ей теперь стоит налегать на физподготовку.

– Мы с ребятами договорились прогуляться до Бордема, – продолжила она. – Пообедать, соответственно, собираемся тоже там.

– Вы с ребятами? – переспросил Ламберт, и его тон похолодел сразу на несколько градусов. – Полагаю, среди *ребят* будет и Редек Линт?

Ника удивленно покосилась на него. Ей казалось, что они этот момент давно проехали: когда отец познакомил ее с сыном своего друга, студентом третьего курса, отношения Ники и Ламберта только начинались и последний всячески старался удержаться от них. Считал, что его тлеющее после гибели пары сердце не способно по-настоящему полюбить вновь. Редек же, напротив, сразу продемонстрировал к Нике живой интерес. Однако она сама воспринимала его только как друга.

– А ты имеешь что-то против него? Он хороший парень.

– Именно этим он мне и не нравится, – криво улыбнулся Ламберт, пытаясь взять свой тон под контроль. Видимо,

почувствовал недовольство в ее голосе. — Когда он рядом с тобой, а я нет...

— Ты мне не доверяешь? — возмущенно уточнила Ника. Впрочем, она не отняла руку, продолжая сжимать пальцы жениха в своих, чем выдавала несерьезность негодования.

Ламберт посмотрел на нее и улыбнулся на этот раз шире и искреннее. Остановившись, потянул ее руку к своим губам, нежно коснулся ими кожи на тыльной стороне ладони.

— Тебе я доверяю. Я не доверяю ему. Он все время крутится рядом с тобой, хотя знает, что ты обручена. И не с кем-нибудь, а с лордом Ардемом...

Ника непочтительно фыркнула и закатила глаза, но улыбка все же озарила и ее лицо.

— Ну да, конечно, а будь я помолвлена с кем попроще, то можно было и попробовать меня увести. Так, что ли?

Ламберт привычно подобрался, еще больше выпрямляя и без того прямую спину, и высокомерно заявил:

— Да, вообще-то, у нас не принято переходить дорогу драконам.

Ника заметила в его глазах знакомый блеск: так выглядел Ламберт Рабан, когда у него включался режим драконьего лорда. Чаще всего это заканчивалось их ссорой, чего сейчас ей совсем не хотелось, поэтому она поторопилась примирительно заявить:

— Никуда он не переходит. Просто нас, горгулий, не так много, а я спасла ему жизнь, если помнишь. Возможно, он

крутится поблизости из благодарности или из желания улучшить момент и вернуть долг. Вы же тут все повернуты на этой теме... А что это у тебя?

Она повернула его руку так, чтобы лучше был виден мизинец, на ногте которого ей померещилось что-то черное. Оказалось, что не померещилось: кожа под ногтевой пластиной у самого основания действительно почернела, темные прожилки тянулись до середины ногтя.

Ламберт нахмурился, выпустил ее руку и повернул свою так, чтобы лучше видеть внезапное повреждение. Потрогал место пальцами другой руки, отчего Ника непроизвольно поморщилась, словно это причинило ей боль. Или как минимум она побоялась, что причинит. А лицо Ламберта тем временем разгладилось, и он беззаботно пожал плечами.

– Не знаю, может, ушибся или прищемил, но даже не заметил. Совсем не болит, так что не страшно. Пройдет. Ладно, если ты за обедом предпочитаешь моему обществу общество друзей, то надеюсь хотя бы увидеть тебя у себя на ужине...

– Уже обещала отцу, что мы поужинаем с ним и Мелисой, – с виноватым выражением на лице призналась Ника. – Ты был прав, он действительно очень расстроен из-за этой Блор, уже накрутил себя. Думаю, надо нам его немного отвлечь от грустных мыслей. Ты ведь не против ужина вчетвером?

– Конечно, нет, – заверил Ламберт с улыбкой. – Тем более,

я ему должен. Мне следовало предупредить о ее приезде, а я забыл. Представляешь?

– Бывает, – пожалала плечами Ника. – Но возвращаясь к теме обеда... Я пришла, чтобы позвать тебя с нами в Бордем. Я люблю проводить время с друзьями, они классные, но день станет еще лучше, если ты пойдешь со мной. Ты же мой официальный жених, значит, мы можем проводить время вместе?

– С тобой – да, – едва заметно поморщился Ламберт. – Но, Ника, мне странно находиться в компании твоих друзей. Дуал, медведь-бастард, русалка и сын воина-горгульи... А я все-таки драконий лорд. К тому же я старше вас всех и ваш преподаватель...

– Ты и мой преподаватель, – заметила Ника, упирая руки в бока и прищуриваясь. Это говорило о том, что теперь ее недовольство стало абсолютно серьезным и искренним. – И старше меня. А еще я тоже дочь воина-горгульи. Всего-то...

– Колт не просто воин-горгулья. Он национальный герой, ректор академии и друг моего отца... Ника, – он попытался снова взять ее за руку, его тон зазвучал примирительно, – это ведь не я все придумал. Это общественная иерархия...

– Да мне плевать! – вырвалось у нее. Она отступила на шаг, не давая к себе даже прикоснуться. – Я понимаю, что ты *снизошел* до меня. Но либо снизойди и до моих друзей, либо обедай один. Но не потому, что я предпочитаю твоему обществу кого-то другого, а потому что ты заносчивая дра-

конья задница!

Заявив это, она резко повернулась и зашагала прочь, успев бросить на прощание:

— Если передумаешь, то сбор через четверть часа в главном холле.

* * *

Когда пятнадцать минут спустя Ника добралась до главного холла, ее все еще немного потряхивало после очередной размолвки. Такие стычки происходили и на заре их знакомства, что не помешало развитию романа, но несколько удручало то, что они продолжали случаться. И это было одной из причин, по которой она не торопилась связать себя узами брака.

Нет, она не сомневалась в том, что любит Ламберта. Те несколько минут, когда Ника думала, что он погиб, наглядно показали ее чувства. Верила она и в то, что он любит ее. В конце концов, ради нее он действительно совершил невозможное: обратился в дракона и выбрался из огненной ловушки. И большую часть времени она чувствовала себя счастливой рядом с ним. Да что там! Она чувствовала себя счастливой, даже когда просто думала о нем...

Но стоило выйти на сцену лорду Ардему, как все стремительно менялось. Наверное, он имел право на высокомерие, учитывая свое положение, но терпеть это было выше

ее сил. Да и просто пугало. Ведь Ламберт вел себя так даже здесь, в Замке Горгулий, под крылом, так сказать, ее родного отца, в статусе жениха. А что будет, когда они поженятся? Что будет, когда она закончит учебу и они уедут в Ардем? Как Ламберт поведет себя там? Не снесет ли у него окончательно крышу? Как будут относиться к ней его родственники? Не получится ли так, что в том замке ее станут гнобить даже слуги, которые там наверняка есть? Ника не знала. А тот факт, что она все еще плохо ориентируется в мире Содружества, заставлял ее чувствовать себя уязвимой. И каждая такая стычка напоминала об этом.

Однако, оказавшись в холле и увидев уже собравшихся там друзей, она пообещала себе, что выкинет тревожные мысли из головы: не хотела, чтобы они испортили ей день.

К тому же друзьям всегда удавалось ее отвлечь. Вот и сейчас Ника сразу заулыбалась, увидев, что Влад и Марин успели затеять шуточную возню, пока дожидались ее. Марин был в своей мужской ипостаси, поэтому не уступал Владу ни в габаритах, ни в силе, ни в ловкости. Конечно, они не боролись и не дрались всерьез. Так, просто толкались.

Редек и Алиана стояли рядом и насмешливо наблюдали за ними. Точнее, усмешка играла только на губах Редека, а лицо Алианы оставалось скорее нейтральным. Она явно силилась улыбнуться, но ее хватало только на то, чтобы не выглядеть печальной. Она все еще тяжело переживала потерю возлюбленного. Не столько его смерть, сколько правду о том,

каким он был. По крайней мере, так казалось самой Нике, но она ни разу не обсуждала это с красавицей-русалкой.

– Ника! – радостно воскликнул Редек, заметив ее.

Влад и Марин тут же прекратили толкаться, а последний к тому же моментально перекинулся в свою женскую ипостась, поскольку знал, что ей она нравится больше: рядом с маленькой, похожей на ботаника-отличницу девушкой в очках Ника чувствовала себя комфортнее, чем с широкоплечим красавцем, дьявольски похожем на Генри Кавилла.

Ника улыбнулась шире и приветственно помахала друзьям, хотя со всеми уже виделась как минимум на завтраке. Постаралась не задерживать взгляд на Редике, не желая его поощрять. Что бы она там ни говорила Ламберту, ей и самой казалось, что приятель-горгулья проявляет к ней неуместный интерес. Ему даже как-то удалось стать частью их компании, ненавязчиво заменив в ней выбывшего Киллиана, по которому продолжала страдать Алиана.

– Наконец-то! – Владимир Рихард, которого друзья называли просто Влад, картинно развел руками. – Сколько можно тебя ждать?

– Я пришла вовремя, сам посмотри, – парировала Ника, указывая на висящие в холле большие часы. – Это вы собрались раньше.

– Причем Влад пришел первым, – со смешком заметила Марин. – Странно, что наш вечно голодный медведь не ушел в Бордем без нас.

– Между прочим, вам бы стоило оценить мое самопожертвование! У меня уже добрых два часа урчит в желудке. Теперь мы можем, наконец, идти?

Ника тянуло оглянуться и проверить, не маячит ли где поблизости фигура Ламберта, но она удержалась и уже открыла рот, чтобы ответить Владу, когда ее внезапно окликнули:

– Ника Колт! Можно вас на два слова?

Судя по голосу, обратилась к ней женщина, но прозвучал он совершенно незнакомо. Ника все же обернулась и сразу поняла, кто перед ней, хотя пока не видела Рамину Блор. Но остальных женщин в замке она уже хорошо знала.

– Вообще-то, я Матвеева, – привычно поправила она, настороженно приближаясь к новому директору академии.

– Я учту, – улыбнулась Блор. – Меня зовут...

– Рамина Блор, я знаю. Вы новый директор.

В глазах собеседницы промелькнуло едва заметное раздражение. Вероятно, она не привыкла к подобному поведению, да Ника и сама прекрасно понимала, что это невежливо, но ничего не могла с собой поделать. Впечатление, произведенное словами отца, было еще совсем свежим и заставляло воспринимать нового директора как потенциальную опасность. А когда Ника чувствовала опасность, она, подобно ежику, сворачивалась в клубок, выставя наружу острые колючки.

– Что ж, тем лучше, – бодро отозвалась Блор, спрятав свое недовольство поглубже. – Мне бы хотелось при случае ближе

познакомиться с вами, пообщаться.

– Вы здесь первый день, – мрачно заметила Ника, – и у вас уже есть ко мне претензии?

– С чего вы взяли?

– Ну... Обычно, когда со мной хочет пообщаться директор учебного заведения, это означает, что у меня проблемы. Работало, даже когда директором был мой отец.

Блор улыбнулась и покачала головой.

– Ничего такого я не имела в виду. Меня просто интригует ваш дар.

– Какой такой дар? – еще сильнее насторожилась Ника.

– Ходят слухи, – понизив голос, пояснила собеседница, – что у вас врожденные способности к некромантии. Якобы, даже не применяя магию, вы видите мертвых.

Это было уже слишком. Ника понимала, что не производит впечатление очень уж искушенной и разумной девицы, но пытаться поймать ее на запрещенной практике вот так в лоб – почти оскорбление.

– Не стоит верить слухам. Я не практикую некромантию, – бросила она, поворачиваясь и стремясь поскорее уйти. – Извините, меня ждут друзья.

Однако от нового директора оказалось не так легко отделаться. Она ненавязчиво, но уверенно перехватила ее предплечье, не давая уйти, и мягко заметила:

– Поймите меня правильно, я не думаю, что это плохо. У меня множество причин считать, что ограничения некро-

мантии в Содружестве чересчур... жестоки. У этой области магии есть ведь и полезные стороны. Сколько преступлений можно было бы раскрыть или сделать это быстрее. Сколько невиновных не страдало бы из-за ложных обвинений. Как ваш жених еще совсем недавно. Не всем выпадает честь быть оправданным Великим Огнем. Да и настоящего убийцу Патрика Рабана, по всей видимости, иным способом найти не получится.

Слова прозвучали как музыка для ушей Ники, но не заставили ее опустить щиты. Она слишком хорошо знала, как убедительны бывают люди, когда говорят тебе то, что ты хочешь услышать.

Видимо, Блор прочитала это по ее глазам, поскольку упорствовать не стала: отпустила руку и лишь вежливо добавила:

– Как бы там ни было, я надеюсь, что со временем мы познакомимся поближе и даже подружмся. Как и с вашим отцом, хотя пока он и не рад меня видеть.

Ника ничего на это не ответила, просто не нашла что сказать. Огрызаться почему-то расхотелось, но и быть милой она пока не могла.

Блор и не стала ждать ответа. Лишь пожелала ей хорошего дня и приятной прогулки в Бордем, после чего ретировалась.

– Чего она от тебя хотела? – напряженно поинтересовалась Марин, когда Ника вернулась к друзьям.

– Да так, поздороваться. Ну что, мы идем?

– Тут, кажется, еще кто-то хочет поздороваться, – заметил Редек, глядя ей за спину.

По его тону Ника не ждала ничего хорошего, но обернувшись, обнаружила приближающегося к ним Ламберта. Поверх привычного строгого костюма на нем была лишь легкая длинная накидка, но дракону с его горячей кровью в такую погоду и этого было достаточно. Приближаясь к ним, Ламберт неуверенно улыбался, глядя только на нее и заставляя ее сердце радостно встрепенуться.

Все-таки он умеет побеждать в себе лорда, когда старается. И это вселяло в нее надежду, что все у них сложится.

– Хорошо, что вы еще не ушли. Я боялся опоздать.

– Ты как раз вовремя, – заверила Ника, беря его под руку.

– Ну что, мы, наконец, идем? – снова подал голос Влад. Звучал он недовольно и нетерпеливо. – Или еще кого-нибудь ждем?

Поскольку ждать им было некого, вся компания резво направилась к выходу. Уже у самого порога Ника не выдержала и бросила взгляд через плечо: ей все казалось, что кто-то смотрит ей в спину.

Но в холле никого не было.

Глава 6

– Быть может, ты просто сгущаешь краски?

Голос Мелисы за его спиной прозвучал мягко, без нажима и упрека. Пожалуй, так указывать ему на возможную ошибку умела только она. Колт против воли улыбнулся, наливая себе из кувшина вина. За ужином он уже выпил пару бокалов, но они не произвели на него впечатления. Вероятно, следовало прибегнуть к напитку покрепче, чтобы чувство тревоги, засевшее в груди, рассосалось, но сейчас был не тот момент, когда он рискнул бы всерьез потерять концентрацию.

– Может быть, – без особого энтузиазма согласился Колт, поворачиваясь к бывшей жене и направляясь к дивану, на котором та сидела.

После ужина вчетвером Ника и Ламберт поторопились покинуть их, желая все же провести какое-то время наедине. Мелиса же осталась с Колтом, то ли собираясь обсудить интригующую новость, то ли просто видя, что ему нужно с кем-то поговорить.

– Но появление Блор в академии все равно кажется мне подозрительным, – добавил он, просто чтобы оставить свою версию в качестве последнего слова.

Мелиса снисходительно улыбнулась, легко распознав это желание, и не стала настаивать, поскольку сама никогда не испытывала аналогичной потребности. Молча проследив за

тем, как Колт приблизился и сел рядом, она повернулась к нему и подперла голову рукой.

– Мне кажется, тебя тревожат не только возможные скрытые мотивы нового директора.

Он вздохнул, пригубил вино и кивнул, не глядя на нее. Тихо произнес:

– Знал я, что год будет сложным, но не думал, что настолько.

– А когда в твоей жизни было иначе? – сочувственно напомнила Мелиса.

– Раньше было иначе. Враг, цель, очевидные риски... И речь не только о войне и службе у Рабана. Когда мне достались замок и должность, все тоже было непросто, но вполне понятно. Это не вызывало... смятения.

– А сейчас? – поинтересовалась Мелиса, ненавязчиво предлагая поделиться с ней чувствами.

И, пожалуй, только с ней Колт и мог ими поделиться. Вытянув ноги и откинувшись на спинку дивана, он лениво перекатывал в бокале темно-бордовое вино и сам же наблюдал за незатейливым действием так, словно оно могло открыть ему какую-то истину.

– Знаешь, когда я оставлял Нику с дядей, я ведь действительно верил, что так будет лучше для нее. Думал о том, чтобы все-таки забрать ее, когда Рабан назначил меня директором, когда появилась ты... Должен признаться, я женился на тебе не только для того, чтобы помочь, дать защиту моего

имени. Я подумал тогда, что ты можешь стать прекрасной приемной матерью для Ники.

– И что же тебя остановило? – осторожно подтолкнула Мелиса, когда он замолчал.

Колт усмехнулся и сделал еще один глоток вина, на этот раз довольно большой.

– Я мог бы сейчас сказать, что не рискнул тащить ребенка на границу с мертвыми землями, что не хотел позволять им шептать еще и ей, но... Я просто испугался, Мел. Испугался, что она не примет меня и мой мир. Или еще хуже: возненавидит за то, что я разрушил ее привычную жизнь. Я убедил себя в том, что там для нее безопаснее и комфортнее. И теперь до конца жизни буду жалеть о своем решении.

Он снова замолчал, стиснув зубы. Говорить об этом вслух было нелегко, но иногда молчать становилось невыносимо.

Мелиса протянула к нему руку, коснулась его волос и едва ощутимым жестом заправила за ухо вместе с седой прядью, потом погладила кончиками пальцев в то ли ласкающем, то ли просто успокаивающем жесте.

– Мы все о чем-то жалеем, – мягко заметила она. – И о несделанном, и о сделанном. И что бы там ни говорили всякие умники, эти сожаления равноценны. Нам от этого никуда не деться, остается только радоваться тому, что случилось правильно. Так порадуйся, что судьба все же привела твою дочь сюда. Впереди у вас еще очень много времени. Наслаждайся им. Она пока не торопится сбежать от тебя, несмотря

на влюбленность в Ламберта. Это уже немало.

– Да уж, Ламберт, – вздохнул Колт и покачал головой. – Еще один неожиданный сюрприз в моей жизни.

– Разве ты имеешь что-то против него? – удивилась Мелиса. – Мне казалось, он тебе всегда нравился.

Колт поморщился.

– Он прекрасный парень. Для дракона. И, кажется, искренне любит Нику. Но я как-то... никогда не видел его своим зятем. И тот факт, что он тоже вернул себе способность к обороту... Не знаю, мне не нравится его беспечность. Он еще совсем мальчишка!

– Энгард, тебе было примерно столько же, когда ты научился оборачиваться горгульей!

– Я был другим! Время было другое, и мы были другими. Взрослее, ответственнее. А драконы по жизни слишком самоуверенны. Патрик был намного старше, но...

Колт осекся, не желая даже при ней говорить о том, о чем следовало всегда молчать. Мелиса и так это знала, не стоило лишний раз сотрясать воздух.

– Полеты Ламберта в мертвые земли добром не кончатся, – резюмировал он. – Это угрожает безопасности Ники, а я ничего не могу сделать – и это бесит!

– Мне кажется, проблема в том, что в твоей жизни было слишком мало хорошего. Вот ты и привык ждать плохого. Не стоит, Энгард. Ламберт – весьма разумный молодой человек. И действительно очень любит Нику. Он не даст ее в обиду.

Ни мертвецам, ни драконам – никому.

– Хотел бы я быть таким оптимистом, как ты, – улыбнулся Колт, покосившись на нее.

Одним большим глотком прикончив содержимое бокала, он проворным движением вернул его на столик, где стоял кувшин, а сам вдруг сменил позу и лег на диван, устроив голову у Мелисы на коленях. У той это не вызвало никакого протеста. Напротив, теперь ей стало удобнее поглаживать его по волосам, то перебирая их пальцами, то пропуская между ними.

– Все же жаль, что ее сердце выбрало дракона, – пробормотал Колт, прикрыв глаза. – Я искренне надеялся, что ей понравится Редек. Хороший парень. К тому же горгулья. А теперь... Дети Ники будут драконами.

– Ты не знаешь наверняка, – возразила Мелиса. – Смешанных браков между драконами и горгульями я не припомню, но в отношения вы вступали и раньше, дети рождались. И, насколько мне известно, печать проявлялась разная.

– Все сводится к силе магии и чистоте крови. Ника – полукровка, горгулья лишь наполовину. А Ламберт – чистокровный дракон, глава рода, у него очень сильная магия. Их дети определено будут драконами. Может, не такими сильными, какими могли бы быть, но драконами.

– Не все ли равно, Энгард? В мире оборотней, которые больше не оборачиваются, вид – это не больше, чем форма печати у основания шеи.

– Для нас это все равно имеет значение. И потом... А что, если оборот вернется? Я могу это делать, Ламберт может. Даже Ника однажды смогла.

– Но ты же не будешь любить своих внуков меньше только потому, что они родятся драконами?

Колт приоткрыл глаза и удивленно посмотрел на Мелису.

– Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь? Хотя с мыслью о внуках мне еще только предстоит свыкнуться. И я прекрасно понимаю, что не мне обо всем этом переживать, ведь долгое время я думал, что Ника родилась человеком, не унаследовала ни мою магию, ни печать горгульи. Но когда она появилась здесь, я успел понадеяться, что даже если род Колтов прервется, наша кровь хотя бы смешается с другим горгульим родом...

Мелиса вновь утешающе скользнула пальцами по его волосам, отчего веки сами собой опустились, а лицо – разгладилось.

– Я предлагала родить тебе детей, Энгард, – напомнила она тихо. – Они бы тоже были полукровками, конечно, но унаследовали бы и мою магию, и твою горгулью кровь.

Колт улыбнулся и покачал головой.

– Ты же помнишь, почему я отказался. Это только усугубило бы и без того сложную ситуацию. Ты была благодарна мне, но не любила.

– Ты не дал мне шанса тебя полюбить, потому что не любил сам.

– Не это не давало нам шанса, – возразил Колт и все-таки снова открыл глаза, чтобы встретиться с ней взглядом. – Я бы мог тебя полюбить, потому что моя любовь давно мертва, но вот твоя... Мел, твоя любовь жива и для вас обоих еще не все потеряно. А дети навсегда привязали бы тебя ко мне. Рано или поздно ты меня за это возненавидела бы.

Она отвернулась и теперь смотрела куда-то в сторону, прижав пальцы свободной руки к губам.

– Нет у нас шансов, Энгард, – ответила дрогнувшим голосом. – Всякий раз, как смотрю на него, вижу мертвого Эдвина...

Брат Мелисы Эдвин несколько лет назад примкнул к группе недовольных правлением драконов. Непродуманная и бессмысленная попытка бунта завершилась полным разгромом оппозиционеров. Жених Мелисы, миллит Брент Бенсон, участвовал в подавлении мятежа. Случилось так, что именно он преследовал Эдвина, а когда тот не пожелал сдаться, убил его в поединке. Мелиса не смогла простить этого, но боясь мести драконов, семья все же заставила ее пойти к алтарю с убийцей брата. Она подчинилась, но на свадебной церемонии прервала жреца, отреклась от семьи и отказалась выходить замуж за Бенсона.

С тех пор прошло почти девять лет. Опальная аристократка с громким скандалом за плечами была вынуждена уехать на границу с мертвыми землями и обосноваться в Замке Горгулий. Она стала преподавать в академии, а Колт, чтобы дать

ей защиту своего рода, женился на ней. Теперь, когда они развелись, она была вправе устроить жизнь с другим женщиной, но так и не сделала этого. Вероятно, из-за того, что Бенсон со временем тоже перебрался в эти края, по сути намеренно загубив блестящую карьеру, и теперь служил дознавателем в Бордеме – маленьком городке, образовавшемся у подножия замка. Он тоже так и не женился на другой и все еще ждал, когда Мелиса его простит, но она не торопилась это сделать, хотя по-прежнему любила.

Колт снова сел, на этот раз придвинувшись к Мелисе ближе, коснулся рукой ее плеча, наклонился к лицу, чтобы снова поймать взгляд.

– То, что ты мучаешь Бенсона, не вернет к жизни твоего брата. Мне было бы плевать на миллита, хоть он и хороший парень и даже недавно спас мне как минимум ногу, если бы и ты при этом не мучилась. Эдвин сам выбрал этот путь, его бы все равно казнили. Бенсон лишь выполнил свой долг. И ты это прекрасно понимаешь. Что-то другое мешает тебе его простить. Тебе нужно понять, что именно, и справиться с этим. Пока еще не поздно для вас обоих.

Мелиса прикрыла глаза, явно стараясь удержать непрошенные слезы. Ей довольно быстро удалось справиться с собой. Она вдруг улыбнулась и погладила Колта по щеке.

– Знаешь, я ведь соврала Нике в самом начале нашего знакомства. О нас с тобой. Сказала, что наш брак был сугубо фиктивным и мы были вместе лишь один раз, чтобы его под-

твердить.

– Неужели? – он тоже улыбнулся. – Зачем?

Мелиса пожала плечами.

– Даже не знаю... Как-то само вышло. Ты просил с ней поладить, а она так смотрела на меня, думая, что я твоя любовница. Я запаниковала. Решила, что она не поймет наших отношений, а они все равно остались в прошлом. Брак ведь и правда был фиктивным, мы не собирались его сохранять... Хотя у нас и был момент. Пусть и без шансов.

Колт вздохнул, наклонился к ней и поцеловал в лоб, после чего потребовал:

– Обещай, что хотя бы попытаешься разобраться в отношениях с Бенсоном?

– Если ты пообещаешь, что хотя бы попытаешься открыть сердце кому-то другому. Тебе пора двигаться дальше, Энгард. Нельзя всю жизнь оплакивать одну женщину. Она бы этого не хотела. Даже Ника так считает.

– Я подумаю над этим, – уклончиво ответил он.

Она вновь не стала давить. Лишь улыбнулась, быстро поцеловала его в щеку и поднялась с дивана.

– Я пойду, Энгард.

– Конечно. Спокойной ночи.

– Спокойной, – отозвалась Мелиса и направилась к двери.

Уже у самого выхода она вдруг сбавила шаг, а потом и вовсе остановилась, держась за ручку. Не оборачиваясь, снова позвала:

– Энгард?

– Что?

– Что со всеми нами будет, если кто-нибудь однажды узнает?

Она не стала уточнять вслух, о чем речь, за что Колт был ей благодарен. И так понял, а лишние упоминания лишь повышали риски. А так можно было спокойно заверить:

– Никто не узнает, Мел.

И верить в это самому.

Глава 7

Мелиса ушла, а тревога осталась с Колтом. Даже усилилась, прогоняя желание спать и провоцируя головную боль. Чтобы как-то отвлечься, он спустился в кабинет: после вторжения Блор там еще многое предстояло расставить по местам, на что днем времени не хватило. Сейчас это даже радовало, поскольку давало возможность занять руки и голову. Да и отчасти новый директор была права: кое-что действительно стоило уже переместить в архив, другое – упорядочить, а третье и вовсе выбросить за ненужностью. Этим он и занялся.

Наведение порядка в бумагах постепенно помогало восстановить и душевное равновесие. Мысли потекли ровнее, но дурное предчувствие, появившееся после знакомства с Блор, пока никуда не делось. Колт думал о Нике и Ламберте, о Мелисе и Бенсоне, о Лёле и видении, принимающем ее облик, о Патрике Рабанае, под руководством которого служил после войны, и его убийстве... Последнее вызывало особенно болезненное тянущее ощущение в груди. Да, пожалуй, дурное предчувствие было связано именно с этим.

– Ректор Колт, – тихий голос, раздавшийся от двери, вырвал его из потока мыслей.

На пороге стоял Арчи Лорен – начальник замковой стражи, что само по себе было дурным знаком. Обычно тот не

тревожил Колта без крайней необходимости. Учитывая, что колокол давно пробил, наступило время мертвых и все входы и выходы из замка теперь перекрыты, его визит выглядел особенно тревожно.

– В чем дело?

– У нас проблема на северной стене. Нужно ваше присутствие.

Северная стена находилась со стороны Мертвого леса, который обычно и становился источником проблем, но что-то в облике и поведении начальника стражи давало понять, что на этот раз проблема не снаружи.

Его предположение подтвердилось по пути, когда Лорен объяснил, что на краю стены сидит девушка, вероятно, одна из студенток. Появилась там, очевидно, в перерыве между обходами, на просьбы вернуться в общежитие не реагирует.

– Почему просто не снимете ее оттуда сами и не уведете? – поинтересовался Колт, понимая, что для этого должна быть причина: не настолько его стража беспомощна.

– Она свесила ноги наружу, – мрачно пояснил Лорен. – Ребята боятся, что может прыгнуть. Мага привели, но он не уверен, что сумеет затащить ее обратно, если это случится, только замедлить падение. А если она окажется по ту сторону стены... сами понимаете, придется решать: оставить ее там до утра или рискнуть и открыть дверь. Поэтому в любом случае нужно ваше присутствие.

Колт кивнул и ускорил шаг. Все собственные тревоги и

переживания моментально вылетели из головы. В этом году он по разным причинам потерял уже трех студентов, в том числе одна девушка погибла в стенах академии. Допускать подобное снова он не собирался.

Интересно, кто там?

Еще до того, как в его поле зрения появилась изящная девичья фигурка, ссутулившаяся на краю пропасти, Колт заподозрил, кого увидит. И оказался прав: это была Алиана Плакс. Русалка не занималась на его курсе, но он все равно хорошо знал ее в лицо, поскольку она дружила с Никой. И, конечно, Колт знал, что девушка была очень близка с Киллианом Ши, возможно, по-настоящему влюблена в него, и теперь тяжело переживала его гибель.

Видимо, это и привело ее на замковую стену.

Несколько стражников стояли поблизости, но старались не подходить слишком близко, чтобы не спугнуть возможную самоубийцу. Был среди них и маг, который напряженно следил за замершей подобно каменному изваянию девушкой, стараясь не упустить момент, когда она соскользнет вниз.

Дав остальным знак оставаться на местах, Колт неторопливо направился к Алиане. Он старался двигаться плавно, но даже когда подошел совсем близко, она никак не прореагировала на него. Продолжала смотреть в бездну перед собой. Туда, где темнел Мертвый лес, а за ним начинались земли, прежде принадлежавшие некромантам.

– Доброй ночи, госпожа Плакс, – тихо и нарочито вежливо поздоровался Колт.

– Доброй ночи, господин ректор, – спокойно отозвалась она, даже не повернув головы.

– Вам не спится? Решили прогуляться на свежем воздухе?

Алиана вздохнула, и ставшая заметной дрожь выдала ее истинное состояние, которое было далеко от спокойствия.

– Можно и так сказать, господин ректор, – в ее голосе были слышны усмешка и горечь. – Он не дает мне спать.

– Он? О ком вы?

Только теперь она слегка повернулась и посмотрела на него через плечо.

– А как вы думаете?

– Киллиан? Вы видите его? По вечерам? Не утром?

Она приподняла брови, то ли впечатленная его догадливостью, то ли удивленная вопросами. Потом наклонила голову, прикрыла глаза и пояснила:

– Когда я засыпаю. Неважно, когда это происходит. Стоит провалиться в дрему, сразу слышу его голос. А иногда и вижу.

– Это он привел вас сюда?

Алиана покачала головой.

– Я сама пришла. Чтобы подумать. Вы в этом больше понимаете. Скажите, если я пойду в Мертвый лес, ему там будет легче появиться? Он ведь что-то хочет мне сказать, но у него не получается.

– Если вы пойдете в Мертвый лес, вас арестуют миллиты, только и всего. А то, что вы видите, это не Киллиан, не его дух. Это лишь уловка. Шепот смерти, если хотите. Слышали когда-нибудь об этом?

– Да, что-то такое слышала, – тихо призналась она. Теперь в ее голосе явственно сквозило разочарование. – Но я думала... может, он хочет попрощаться. Или хоть что-то объяснить.

– Мертвым... настоящим мертвым не так-то просто это сделать. Зато магия смерти порой использует наше горе, чтобы воздействовать на нас. Не поддавайтесь. А лучше – уезжайте. Вам стоит продолжить обучение в другом месте.

Алиана невесело рассмеялась.

– Вы же понимаете, что я не могу этого сделать. Русалкам не очень-то рады в учебных заведениях Содружества.

– Тогда хотя бы возьмите паузу. Возвращайтесь сюда через год, за это время вы восстановите душевное равновесие. Иначе шепот вас погубит или толкнет на что-нибудь безрассудное. Ваш друг ведь тоже не был плохим парнем. Он просто поддался разрушительному влиянию.

Она помолчала, все так же глядя вдаль, а потом вдруг заметила:

– Вы, кажется, первый, кто сказал, что он не был плохим парнем.

– Просто я знаю, на что способны эти места.

Алиана снова посмотрела на него через плечо и поинте-

ресовалась:

– Знаете по собственному опыту? Вам они тоже шепчут? Кто приходит к вам? Это происходит по утрам? Поэтому вы спросили?

Колт повернулся к ней спиной и присел на бортик со своей стороны. Откровенничать со студентами он не привык, но раз ему удалось установить контакт с девушкой, стоило себя пересилить, чтобы укрепить его и вернуть ее на безопасную сторону.

– Обещайте, что не расскажете Нике, – предложил он свои условия.

Алиана чуть прищурилась, а потом понимающе кивнула.

– Вы видите ее мать, да? Это многое объясняет.

Колт даже растерялся.

– Что именно?

– То, что вы все еще тоскуете по ней.

– С чего вы взяли, что я тоскую?

– С того, что после всех этих лет вы предпочитаете одиночество.

– Я был женат. Уже после.

Она тихо хмыкнула и покачала головой.

– Ректор Колт, вы же знаете, почему русалок неохотно берут в учебные заведения и вообще не жалуют ни другиеоборотни, ни люди?

Да, он знал. Ментальной магией в Содружестве владели немногие. Наверняка это было известно только о дуалах,

умеющих насыщать кошмарные галлюцинации, и русалках, способных голосом воздействовать на мужчин, подчиняя их своей воле. Но если это они могли не делать и давали при поступлении в Академию Горгулий соответствующее обещание, то обратная сторона дара ими не контролировалась. Русалки чувствовали вибрации, исходящие от человека. Как бы хорошо мужчина ни держал себя в руках, они все равно улавливали его настроение и эмоциональное состояние. Такая вот выборочная эмпатия: женщин русалки не чувствовали.

Поэтому Алиана знала, что он чувствует, и было бессмысленно пытаться скрыть это от нее.

– Рана не затянется, если ее постоянно ковырять, – заметила она мягко. – Может, вам самому стоит на какое-то время покинуть это место?

– Интересная мысль... – пробормотал Колт задумчиво. – Может, спуститесь сюда, ко мне, поговорим об этом?

Так себе уловка, конечно. Это крупными буквами было написано на лице Алианы. Тем не менее попытка не разрушила установленный контакт, скорее, наоборот.

– Вы будете смеяться, ректор Колт, – нервно хохотнула его собеседница.

– Поверьте, мне совершенно несмешно...

– Дело в том, что я не могу спуститься. Честно говоря, я боюсь пошевелиться. Не знаю, как я вообще смогла сюда забраться в этом платье...

Колт перевел взгляд на ее ноги и тоже улыбнулся. Действительно, Алиана Плакс относилась к той категории местных студенток, кто носил платья и юбки в пол. Запутаться в таком подоле было легче легкого.

– Я помогу вам, если вы не возражаете.

– Буду вам очень признательна.

Обхватив ее за талию, Колт достаточно легко втащил ее на свою сторону бортика и, поставив на ноги, сразу отпустил. Алиана облегченно выдохнула, повернулась к нему и присела в небольшом реверансе.

– Спасибо, ректор Колт. И за помощь, и за разговор. Конечно, я ничего не скажу Нике. Мне что-то будет за эту прогулку?

– Думаю, на первый раз мы ограничимся строгим предупреждением. Идите в свою комнату и ложитесь спать. Если не хотите уезжать отсюда, старайтесь игнорировать то, что видите. Помните: это не тот человек, которого вы знали и любили.

Она понимающе кивнула, попрощалась и торопливо пошла к башне, через которую можно было попасть обратно в замок. Стража тоже разошлась, радуясь тому, что инцидент прошел без трагичных последствий.

Энгард Колт остался на стене один. Какое-то время он смотрел в сторону мертвых земель, погружаясь в весьма неприятные воспоминания, а потом заставил себя вернуться к наведению порядка в кабинете.

Глава 8

Через две недели Колт был вынужден признать, что в присутствии Рамины Блор в замке есть ряд неоспоримых плюсов. После инцидента в кабинете она больше не позволяла себе вольностей. Устроившись в отведенных ей комнатах, выслушала избранный им круг обязанностей, внесла несколько предложений, часть которых он одобрил, и занялась наведением порядка в кабинете, который прежде считался ректорским, а теперь был отдан ей. Колт предложил ей не тратить время и силы самой, а поручить уборку домовым.

– Полагаю, если тут и осталось что-то после Патрика Рабана, то Майнер Рабан уже это выбросил, – предположил он, оглядывая полупустые полки стеллажей и письменный стол, на гладкой поверхности которого виднелись лишь пылинки, появляющиеся сразу после уборки. – А если что-то осталось от Майнера, то этому дорога только в мусор.

– Не думаю, что он действительно успел все здесь разобрать, – возразила Блор, открывая дверцы одного из шкафов, заглядывая внутрь, но едва ли находя там что-то интересное. – Сколько он пробыл в должности ректора? Пару недель? Месяц? Сомневаюсь, что у него дошли руки. Мужчины редко уделяют порядку должное внимание.

– Даже если так, едва ли Патрик держал здесь что-то важное, – хмыкнул Колт, наблюдая за тем, как она закрыла шкаф

и переместилась к одному из стеллажей, изучая теперь его скудное содержимое. – Как вы, должно быть, знаете, он был формальным ректором и не особо жаждал вникать в дела академии.

– Тем не менее он приезжал сюда с регулярными инспекциями, – заметила Блор, оборачиваясь и кидая на него взгляд, значение которого трудно было определить. Ни вопроса, ни намека, лишь вежливая улыбка.

– Его интересовали не дела академии.

– А что же?

– Обстановка вокруг.

Он не стал уточнять, а она – допытываться. То ли и так поняла, то ли делала вид, что ее это не интересует.

– Как бы там ни было, а мне не хотелось бы случайно выбросить то, что может иметь значение. Если не для дела, то хотя бы для сына Патрика Рабана, – пояснила Блор, беря с полки какую-то книгу и пролистывая ее. – К вещам мертвых стоит относиться с уважением. Хоть это и всегда немного странно – рыться в них.

Ему захотелось уточнить, неужели ей часто приходится рыться в вещах тех, кого уже нет в живых, но Колт удержался. Не хотелось снова ставить себя в дурацкое положение, а у нее мог умереть не только муж. И хотя Блор заявила, что не огорчена потерей, он не мог знать, сколько в этом правды, а сколько – бравады. Да и другие потери могли оказаться куда болезненнее. Ему ли не знать? Колт и сам похоронил

слишком многих.

В том, что ему не хочется лишний раз задевать новоявленного директора, он убедился, когда представлял Блор главному домовому. Теперь обязанность решать с ними хозяйственные вопросы переходила к ней, так что их стоило познакомить должным образом.

Едва он сообщил ей об этом, непроницаемая маска самоуверенной красавицы дрогнула, треснула и на мгновение в серых глазах блеснули интерес и азарт. Понять их было легко: немногим в жизни выпадала возможность увидеть домового. Эти ребята предпочитали скрытность. Лишь в очень больших домах, подобных Замку Горгулий, они выбирали старшего, который общался с кем-то из людей, когда возникла такая необходимость.

– Он никогда не явится по вашему зову абы куда, – объяснил Колт, пока вел Блор на место встречи. – Они не любят открытых пространств, не любят яркий свет, особенно дневной. Лунный тоже не переносят, поэтому наше общение всегда происходит в чулане.

С этими словами он остановился у нужной двери, распахнул ее и сделал приглашающий жест, пропуская даму вперед. Блор немного помешкала, прежде заглядывая внутрь тесного темного помещения и лишь потом пересекая его порог. Колт зашел следом и закрыл дверь.

На несколько секунд они оказались в крошечной темноте, но потом, подчиняясь безмолвному заклятию, загорелся ма-

ленький световой шарик, вставленный в крепление на стене. Загорелся очень тускло, едва разгоняя тьму и позволяя осмотреться.

Чулан был не так уж мал: примерно два на два метра, но держать его пустым было нельзя. Домовым нужна возможность где-то прятаться, они с трудом переносят, когда на них смотрят. Поэтому помещение было заставлено пустыми ящиками, бочками, какими-то палками, сломанной мебелью и прочим хламом, из-за которого Колт всегда оставался у самого порога: не хотелось в темноте споткнуться или оступиться и повредить ногу. А теперь им с Блор приходилось делить это место на двоих, отчего она стояла ближе, чем обычно. Достаточно близко, чтобы он мог почувствовать тонкий цветочный, сладковатый запах, исходящий от нее.

Поначалу Блор с интересом крутила головой, сквозь полутьму пытаясь рассмотреть окружавшие их вещи и, вероятно, найти взглядом того, ради кого они сюда пришли. Чем больше она видела, тем сильнее сдвигались к переносице тонкие брови. Наконец, она не выдержала.

– А где же.

– Тише, – перебил он шепотом. – Не спугните. Они не любят громких звуков. И наберитесь терпения.

Блор поджала губы, но повиновалась.

Прошла еще пара минут, прежде чем в тишине раздался приглушенный шорох. Сваленные в кучу пыльные мешки в шаге от их ног зашевелились, да так неожиданно, что Блор

резко отпрянула и... прижалась к Колту. Инстинктивно, должно быть. Он среагировал так же: рука сама собой приобняла женщину, одновременно стремясь дать ей опору и обещая защиту. Мгновение спустя оба опомнились и попытались отодвинуться друг от друга, насколько позволяло свободное место.

Однако, когда из груды мешков наконец показался старший домовый, Блор вновь охнула и отшатнулась, на этот раз вжавшись спиной в стену. Колт против воли улыбнулся. В первую встречу его тоже пытались пугать грозным обликом. Теперь же он видел просто очень маленького и слегка непропорционального человечка. Блор явно видела что-то другое.

– Кого ты привел? – послышался скрипучий голос. – И зачем?

– Это Рамина Блор, новый директор Академии Горгулий. Отныне все хозяйственные задачи ложатся на ее плечи. Поэтому все вопросы вы будете решать с ней. Будьте с ней учтивы.

Домовой скользнул оценивающим взглядом по вжавшейся в стену женщине, усмехнулся и проскрипел:

– Ладно.

По тому, как расслабились плечи Блор, стало понятно, что теперь она видит домового примерно таким же, как и Колт. Или другим, но все равно нестрашным.

– Еще что-то? – уточнил тот.

– Нет, на сегодня все.

– Ладно.

Бросив это слово, домовый торопливо зарылся обратно в грудь мешков и исчез, а Колт распахнул дверь, давая понять, что на этом аудиенция окончена.

– Лаконичный парень, – выдохнула Блор, снова очутившись в коридоре, свет в котором после чулана показался даже слишком ярким.

Колт посмотрел на нее и с удивлением заметил, как изменилось лицо. Маска холодной вежливости и превосходства окончательно рассыпалась и слетела, черты смягчились, глаза засияли детским восторгом. Женщина как будто даже помолодела и уж точно – похорошела, хотя он и так считал ее красивой.

– Нет, вы это видели? – нервно рассмеялась Блор. – Как он лихо меняет личины?

– Видел, но не в этот раз, – с улыбкой заметил Колт. – И не исключая, что все это время мы видели разное.

Она перевела на него восторженно-недоверчивый взгляд и, вероятно, что-то такое прочитала на его лице. Или просто сама поняла, что потеряла контроль и позволила себе лишнее. Мгновение – и маска вернулась на место, заставляя его пожалеть. Та другая Рамина Блор успела Колту понравиться гораздо больше. Настолько, что он сам себя удивил неожиданным приглашением:

– Хотите поужинать сегодня со мной?

Если это удивило и ее, то вида она не подала. Лишь сдер-

жанно улыбнулась и согласилась. А Колт убедил себя в том, что его предложение – не больше, чем радушие хозяина замка. Впрочем, он не мог припомнить, кого еще из сотрудников академии когда-либо приглашал к себе на ужин. Кроме Мелисы, конечно. От компании которой в этот вечер он решил отказаться.

Глава 9

Дождаясь прихода гости, Колт расхаживал по малой столовой, пытаясь убедить себя, что совсем не нервничает, просто ему не хочется сидеть на одном месте. Против воли он вспоминал утро, когда впервые ждал на совместный завтрак Нику. Тогда Колт, конечно, действительно волновался и все поглядывал на стол, накрытый на четыре персоны только потому, что ему так и не удалось решить, как будет лучше: посадить дочь напротив себя, полностью отгородившись от нее столом, или разместить ее рядом. В итоге он позволил ей выбирать самой, и она предпочла отгородиться столом. Вспомнились ему и следующие их ужины, и разочарование каждый раз, когда она садилась напротив, а он все ждал, когда же сядет рядом.

Колт тряхнул головой, прогоняя неприятные воспоминания, и покосился на стол. Блор он выбора не оставил, предпочтя разместить ее напротив. Да и с чего бы ему сажать эту женщину рядом?

Она появилась точно в оговоренное время, слегка удивив выбором платья: то выглядело по-настоящему нарядным. Впрочем, Блор приехала сюда из столицы, а Колт давно там не был. Возможно, у драконов мода сейчас такая. Мелиса и Ника предпочитали традиции горгулий, поэтому одевались в штаны и туники, а даже самая нарядная туника все-

гда уступает платью. Особенно длинному, приталенному, с открытой спиной, которая так и приковывает к себе взгляд.

Блор, по всей видимости, любила такое. Ее платья то оголяли плечи, то позволяли рассмотреть сквозь прозрачную ткань руки. В замке, где воздух всегда немного прохладный и заставляет остальных одеваться теплее, это казалось странным. Можно было даже заподозрить Блор в попытке вскрыть ему голову, но Колт знал, что кровь драконов горячее, чем у других оборотней. Ламберт, например, тоже прекрасно чувствует себя в тонкой рубашке и надевает пиджак лишь потому, что того требует этикет.

– Благодарю за приглашение, ректор Колт, – вежливо заявила Блор, едва они устроились за столом и приступили к закускам. – Должна признаться, оно меня удивило.

«Меня тоже», – пронеслось у него в голове, но вслух он лишь спокойно поинтересовался:

– Почему?

– У меня сложилось впечатление, что вы не просто недовольны моим появлением в замке, но и намерены избавиться от меня при первой возможности. В вашей власти было устроить мне бойкот и полностью изолировать от какого-либо общения. В надежде, что это заставит меня уехать.

– А это заставило бы?

Она улыбнулась.

– Нет, конечно. Как уже говорила, я здесь не по своей воле.

– Тогда какой смысл?

– Но вы же мне не доверяете. И могли не поверить моим словам. Стоило хотя бы попробовать. Я бы обязательно попробовала.

Это прозвучало весьма прямолинейно, и Колт был вынужден признать, что ему понравилось. Мысленно, конечно, не вслух.

– Мы с вами явно предпочитаем разные стратегии, – хмыкнул он, наливая в ее бокал вина.

– И какая же стратегия у вас?

– Держи друзей близко, а врагов – еще ближе.

Она снова улыбнулась, неотрывно глядя ему в глаза. Его прямота ее тоже не смутила, Блор лишь возразила:

– Я не враг вам, ректор Колт, поверьте. У меня нет намерения навредить вам или кому-то из ваших близких.

– Неужели? Тогда какие у вас намерения, госпожа Блор? – не удержался он от вопроса, хотя понимал, что не получит на него честного ответа.

Блор и правда с ответом торопиться не стала, делая вид, что ее вниманием полностью завладели кулинарные шедевры домашних, которые ради этого ужина отчего-то очень уж постарались. Лишь тщательно прожевав и запив еду глотком вина, она наконец заговорила снова:

– Вы правы в одном, Колт: совет правления действительно прислал меня сюда не для того, чтобы облегчить вашу работу, хотя я постараюсь это сделать, раз уж нахожусь здесь в

должности директора. Но моя главная миссия – присматривать за тем, что происходит в замке.

Он недоверчиво прищурился, глядя на нее.

– Присматривать? В каком смысле?

– Хотя никто из Рабанов не входит в совет правления, их род – один из древнейших и наиболее значимых. Ламберт первый из них – да и вообще из драконов – кто выбрал преподавание в академии своим основным занятием. До этого драконы предпочитали просто заниматься наукой и теорией магии, а академиями разве что руководили.

– Мне это прекрасно известно, – несколько нетерпеливо вставил Колт, едва она сделала паузу, чтобы набрать в легкие воздух. – И это ничего не объясняет. В чем именно тревога совета?

– Они беспокоятся о безопасности молодого главы рода.

– Ах вот как, – хмыкнул он, едва удержав себя от более эмоциональной реакции на это лицемерие. – Думаю, совет уже прекрасно знает, что волноваться о Ламберте не стоит. Он может себя защитить...

– Его отец тоже мог, но кто-то его все-таки убил.

Слова подействовали на него так, словно кто-то высыпал ему на голову ведро льда и каждый маленький кусочек забрался под одежду, холодя кожу и заставляя ее покрываться мурашками. Колт не хотел, но все равно поймал взгляд Блор: холодный, не мигающий. Он говорил гораздо больше, чем было озвучено на словах. Очевидно, совет знает не только о

том, что Ламберт вернул себе способность к обороту, но и о том, что его отец тоже это умел.

И да, все равно был убит.

– Сам Ламберт оправдан, – продолжила Блор, первой прерывая визуальный контакт и опуская взгляд к содержимому тарелки. – Но убийца так и не вычислен. А Замок Горгулий, при всем уважении, это не Ардем. У вас здесь уже убивали людей.

– Наша стража усилена стражей Ардема, – поторопился сообщить Колт, внезапно совершенно потерявший аппетит. Хотя его собеседница наверняка и так это уже знала: не заметить ардемскую форму было проблематично.

Блор кивнула, подтверждая это предположение.

– Я была очень рада это узнать и уже сообщила отцу. Но опять же: Патрик Рабан был убит в собственном доме. Это сделал тот, кого стража по какой-то причине не остановила. Вопрос в том, не смогла она или не стала и пытаться, не видя в нем угрозы.

– Вы правда считаете, что этот человек может сейчас находиться в Замке Горгулий? – недоверчиво улыбнулся Колт. – Мне кажется, вы не там ищете. Вам стоит присмотреться к тому, кто пытался обвинить Ламберта в убийстве и возглавить род.

– Вы говорите о Кристофе, брате Патрика, я полагаю? К нему совет тоже присматривается. Драконы не могут спустить это дело на тормозах.

– Неужели? Патрик был убит год назад, а убийца до сих пор не найден.

– Большую часть времени считалось, что его убил сын, – с нажимом напомнила Блор. – Так решил род, и совет доверял их выводам. Теперь, когда ошибка стала очевидна, совет правления намерен сам найти убийцу.

– Интересно, как? Слишком много времени прошло.

Блор улыбнулась, но это была та фальшивая вежливая улыбка, которая появлялась на ее лице-маске и не имела ничего общего с настоящей. Теперь Колт это знал.

– Это не моя забота. Мое дело – присматривать за тем, чтобы в Замке Горгулий все было спокойно.

– Думаете, вы справитесь с защитой Ламберта лучше, чем он сам и вся местная стража?

– Не я так думаю, мой отец так считает. Очень верит в мою интуицию. Я могу почувствовать опасность.

– Что ж, удачи вам в этом, – фыркнул Колт, поднося к губам бокал и осознавая, что тот успел почти полностью опустеть.

– Спасибо. Послушайте, я понимаю, как все это звучит для вас, я и сама не считаю, что смогу быть чем-то полезна здесь, но с такими людьми, как мой отец, не спорят. Так что нам остается только смириться. И надеяться, что вскоре совет со всем разберется и избавит вас от моего присутствия.

– А вас вернет из ссылки к границам...

– О, поверьте, для меня это не такая уж и ссылка. Мне

интересно побывать здесь. Я впервые услышала об Энгарде Колте, герое войны с некромантами, когда мне было четырнадцать лет. И с тех пор мечтала познакомиться с вами. Но, честно говоря, я представляла вас другим.

Едва разговор ушел от темы смерти Патрика, Колт почувствовал себя лучше. А последние слова Блор и вовсе заставили весело усмехнуться.

– Интересно, каким?

Она пожала плечами, и на некоторое время ее лицо снова стало настоящим, почти таким же, как после знакомства со старшим домовым. На нем даже снова появились живой интерес и детский восторг.

– Не знаю. Таким... мрачным, суровым, нелюдким. А вы вполне... обычный. Студенты не падают в обморок, когда вы приходите на занятия, у вас пусть и немного странная, но семья. Жена, которая уже не жена, дочь, которая совсем недавно дочь, и зять, который еще не зять... Вроде все хорошо, но я чувствую у вас какую-то занозу, скажем так. Что-то мешает вам полноценно наслаждаться жизнью. Теперь мне очень интересно понять, что именно.

– Зачем вам это?

Она заметно растерялась, потом, видимо, осознала, что перестала следить за лицом, и торопливо натянула свою маску.

– Не знаю, просто любопытно, как любопытен дар вашей дочери.

В груди снова стало холодно и тягостно, пальцы сами собой попытались сжаться в кулаки, но Колт смог себя удержать. Лишь недобро прищурился и тихо посоветовал:

– Держитесь подальше от моей дочери, госпожа Блор.

Она подняла на него удивленный взгляд.

– Это что, угроза?

– Просто предупреждение. Недавно драконы уже хотели до нее добраться, и я обещал, что убью каждого, кто попытается ей навредить. Мое обещание остается в силе.

– А вы дерзкий, – усмехнулась Блор. – Угрожаете драконам...

– Я много лет воевал с теми, кто куда опаснее драконов, так что вас я не боюсь. Хотя вы, очевидно, не чистокровный дракон.

Она выразительно приподняла бровь.

– И что же меня выдало?

– Серые глаза. У драконов таких не бывает. Значит, приехала еще чья-то кровь. Глаза у вас матери, а печать, вероятно, досталась от отца. Хотя для дракона это сомнительный повод признавать побочного ребенка, к тому же полукровку.

– А вы очень не любите драконов, да? – холодно предположила Блор, явно снова желая увести разговор от причин, по которым отец взял ее к себе. – Интересно, почему?

– Я горгулья.

– Считаете, что этого достаточно?

– Более чем. Мое племя никогда не видело от вашего ничего хорошего.

– Мы вас создали...

– Это ложь! – рявкнул Колт, едва не стукнув кулаком по столу.

Его неожиданно захлестнуло такой злостью, что держать себя в руках стало невозможно. Лишь то, как Блор испуганно вздрогнула, заставило его сбавить тон.

– Мы родственные виды, и за это вы всегда нас ненавидели. Потому что мы никогда вас не боялись и не преклонялись перед вами, но вы все равно заставили нас служить себе, уничтожив нашу аристократию.

– Не было такого! – возмутилась Блор. Искренне так возмутилась.

– Не все об этом помнят. Драконы так точно предпочли забыть, но в нашей семье всегда хранили память о семи горгульях принцах, которые однажды возмутились деяниями драконов и попытались пойти против них, но были уничтожены вместе с семьями и всеми родственниками. Никто не вступился, и с тех пор драконы правят Содружеством, не слагая с себя полномочий. Уже три сотни лет.

– И все же ваша единственная дочь ходит в невестах у драконьего лорда, – спокойно парировала Блор.

И это заставило Колта наконец обуздать накатившие чувства. Он откинулся на спинку стула, надевая на лицо такую же непроницаемую маску, какую носила его собеседница.

– Моя дочь росла без меня. И не мне ей указывать, как жить. Память о вероломстве драконов со временем уйдет в небытие, как это уже случилось со знанием о том, почему мы потеряли способность к обороту. А кровь горгулий все равно рано или поздно растворится в других видах. Нас осталось мало и становится меньше. Это неизбежно. Но пока я жив, я буду помнить. И относиться к драконам соответственно.

– Ваше право, – так же спокойно отозвалась Блор. – Главное, что вы умеете делать исключения, когда считаете это возможным. Патрик и Ламберт Рабаны тому яркий пример. И это обнадеживает.

Прозвучало странно, но Колт не стал интересоваться, чем именно ее это обнадеживает и в чем вообще состоят ее надежды.

Глава 10

«Да и настоящего убийцу Патрика Рабана, по всей видимости, иным способом найти не получится...»

С того дня, как Рамина Блор сказала ей эти слова, прошло уже три недели, но Ника не могла выбросить их из головы. Поначалу они просто крутились, как привязчивая песенка, потом превратились в тему «на подумать», а еще чуть позже — в цель.

Интерес к изучению некромантии у Ники не пропал, но с начала года она не так часто навещала в тайный кабинет бывшего директора Академии Горгулий, занимавшего эту должность до ее отца. Тот в свое время увлекся некромантией и сумел собрать немало книг, хотя тех в принципе осталось немного, ведь по законам Содружества они подлежали уничтожению. Колту и Ламберту надлежало уничтожить и эти, но она смогла убедить их этого не делать. Оба смирились и согласились с тем, что ее врожденные способности лучше подкреплять теоретическими знаниями, чтобы она могла их контролировать, но ни один не мог скрыть отвращения к магии смерти в целом. Это стало одной из причин, почему она притормозила свои изыскания.

Второй причиной было отсутствие реальной задачи. Ника никогда не любила учебу ради учебы. Все, на что она тратила время и силы, интересовало ее практически. Поначалу

так было и с некромантией. Она хотела разобраться в том, что видит и что происходит в замке. Чуть не умерев после стычки с зомби, искала способ побеждать их без вреда для собственного здоровья. А когда при смерти оказался ее друг, она искала способ спасти его. После чего задачи закончились.

Пока Блор не подкинула ей идею. И чем больше Ника над ней размышляла, тем сильнее становилось ее желание найти способ и докопаться до правды. Поэтому она снова стала наведываться в подземный лабиринт, в который можно было попасть только через закрытую часть замка, и каждый день проводить пару часов в кабинете директора Акнора. Хотелось, конечно, больше, но это наверняка заметили бы, а видеть брезгливо поджатые губы Нике не нравилось ни в исполнении отца, ни на лице жениха.

Но сегодня она немного потеряла счет времени, что было довольно легко сделать в комнате без окон: время здесь летело незаметно. Вот Ника и не заметила, как после обеда прошло почти четыре часа вместо намеченных двух. Очнулась, только когда скрипнула входная дверь, вздрогнула от неожиданности и испуганно посмотрела на вошедшего Ламберта.

Однако тот лишь слабо улыбнулся и тихо объявил:

– Так и думал, что найду тебя здесь, когда не обнаружил в комнате.

– А ты что, вдруг замерз? – поинтересовалась в ответ Ника, удивленно разглядывая свитер с высоким горлом, в ко-

торый Ламберт облачился вместо привычной рубашки и пиджака.

– Просто решил попробовать моду медведей: они такое носят. Ты же хотела, чтобы я стал ближе к твоим друзьям? И вообще, не заговаривай мне зубы!

Ника изобразила на лице раскаяние: когда они расставались после обеда, ей пришлось солгать, что она пойдет к себе заниматься, поскольку нужно многое подтянуть. Собственно, последнее было правдой, ведь из-за отсутствия предшествующего образования Нике постоянно приходилось что-то нагонять, и она даже действительно собиралась заняться и этим, но позже.

– Прости, – повинулась она, впрочем, замечая, что он не особо огорчен или разозлен.

На его лице не было даже обычной брезгливости, только некоторая настороженность, когда он обвел взглядом тянущиеся вдоль стен шкафы и остановил его на алтаре, где раньше лежал человеческий череп. Теперь он перекочевал на стоящий рядом массивный письменный стол, за которым Ника сидела.

– Прощаю, – искренне отозвался Ламберт, наконец посмотрев и на нее. – Но все равно не понимаю, как ты можешь долго здесь находиться. Мне становится не по себе, стоит только переступить порог.

– Наверное, дело в том, что у меня нет явных негативных ассоциаций с некромантией, – улыбнулась Ника. – Я не ви-

дела вашей войны и прочих ужасов...

— Ты едва не умерла после стычки с мертвецами, а потом тебя похитил некромант, — напомнил Ламберт. — А теперь ты сидишь здесь в обнимку с человеческим черепом.

Ника перевела взгляд на названный им предмет, лежавший рядом с раскрытой на столе книгой, и беззаботно пожала плечами.

— Это Йорик. Мы с ним иногда разговариваем. Тут ведь больше никого нет...

Вот теперь в глазах Ламберта промелькнул ужас, и она поторопилась пояснить:

— Да не в прямом смысле! Я просто иногда говорю вслух, мне так легче думается, а он как бы слушает. Не всерьез, конечно. И он никогда мне не отвечает...

— Тогда откуда ты знаешь, что его звали Йорик? — нахмурился Ламберт.

— Да это же...

Ника вздохнула и махнула рукой. Конечно, он никогда не слышал выражения «бедный Йорик» и едва ли вообще подозревал о существовании Шекспира.

— Неважно, я сама его так назвала.

Ламберт прищурился, явно убежденный не до конца, но спрашивать дальше не стал. Предпочел поинтересоваться:

— Тебя снова влечет теория некромантии? Мне казалось, ты охладела к ней в последнее время.

— Трудно полностью охладеть к тому, что является частью

тебя. Но ты прав: у меня появилась идея, поэтому я ищу способ ее реализовать.

Он сделал несколько шагов к столу, словно собирался заглянуть в книгу, которую Ника как раз штудировала.

– Что за идея?

Ей захотелось закрыть текст руками и соврать что-нибудь правдоподобное, но в голову ничего не пришло, а потом это и вовсе показалось неправильным. В конце концов, его это касается напрямую, Ламберт имеет право знать, чем она занимается.

– Я пытаюсь найти способ выяснить, кто убил твоего отца.

Прозвучало непривычно тихо, обычно Ника говорила громче и четче. Но Ламберт все равно замер на месте, словно споткнулся. Его лицо помрачнело, уголок рта нервно дернулся.

– Зачем? Мы знаем, кто его убил. Его родной брат, мой дядя...

Ника выразительно помотала головой.

– Знаю, что ты так думаешь, но я сомневаюсь. Вспомни день, когда драконы явились сюда. Помнишь реакцию дяди, когда тот увидел, что твои браслеты пропали? Он был в шоке и смятении. Ламберт, мне кажется, он искренне верил, что ты убийца. И когда оказалось, что ты оправдан, он тут же отступил, признал тебя главой рода. Думаю, человек, убивший родного брата ради статуса лорда Ардема, не сдался бы так легко. И не был бы так удивлен.

– Он просто испугался, – возразил Ламберт, но уже не так уверенно. – Ведь после меня он второй главный подозреваемый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.